

СТЕНОГРАММА

парламентских слушаний на тему "Практика и направления совершенствования проведения единого государственного экзамена в Российской Федерации"

12 ноября 2013 года

Л.Н. ГЛЕБОВА

Уважаемые коллеги, будем начинать.

Кто не успел подъехать, присоединятся к нам в ходе обсуждения.

Уважаемые коллеги, позвольте всех поприветствовать на наших парламентских слушаниях, которые проводятся в соответствии с Планом работы Совета Федерации.

Совет Федерации придает большое значение этому событию, поскольку тема, которая волнует всех – волнует общество, волнует профессиональное сообщество – является во многом определяющей направления политики управления образованием и, соответственно, пути создания благоприятных условий для образования детей. Эта тема, являясь такой важной, безусловно, требует внимания со стороны всех институтов: институтов профессиональных, институтов общественных, институтов политических. И многие из сидящих здесь, в этом зале, конечно же, непосредственно достаточно давно участвуют в разного рода обсуждениях, которые связаны с этой темой. Тем не менее позволю себе лишь напомнить о том, что государственная итоговая аттестация в виде единого государственного экзамена существует в нашей стране достаточно давно. В 2001 году было принято решение о проведении эксперимента. И регионы на добровольных началах включались в то апробирование, которое было задумано в связи с этой идеей – проведением независимой государственной итоговой аттестации. Это был в истории законодательной власти самый длинный эксперимент. Такого эксперимента ни по одной теме, ни в одной из отраслей не было в предыдущий период. До 2007 года продолжался эксперимент. И в 2007

году был принят закон, который переводил этот эксперимент в штатный режим. 2008 год мы с вами пережили как переход из эксперимента в штатный режим. И с 2008 года это стало жизнью наших регионов, наших ребят, в первую очередь, в обязательном порядке.

Безусловно, о всех плюсах и минусах этой истории мы поговорим, в том числе и сегодня. Хотелось бы лишь отметить, что, безусловно, главным оценщиком, главным потребителем этого являются те, кто уже... У нас уже поколение тех, кто пришел в первый класс и уже знал, что будет сдавать единый государственный экзамен. У нас уже целое поколение ребят выросло в ожидании единого государственного экзамена. Поэтому я хотела бы вам сказать, что сегодня на наши парламентские слушания мы пригласили тех, кто прошел единый государственный экзамен – студентов наших вузов. И я бы предложила сегодня воспринимать их как экспертов нашей дискуссии. Поэтому в рамках регламента... Ребята у нас находятся здесь. Это Дударев Роман Игоревич, Самединова Линара Раимовна и Титаев Николай Игоревич.

Ребята, встаньте, пожалуйста.

И если вы не будете возражать, то в рамках нашей дискуссии мы будем периодически обращаться к их экспертной позиции с точки зрения того, как они смотрят на то, что мы сегодня обсуждаем.

Сегодня в наших слушаниях принимают участие представители практически всех институтов, которые так или иначе задействованы в этом событии. В первую очередь, Министерства образования и науки Российской Федерации – Людмила Михайловна Огородова, заместитель министра.

У нас сегодня присутствует Сергей Сергеевич Кравцов, руководитель Рособнадзора. У нас также в зале присутствуют работники министерства.

У нас сегодня – наши коллеги из нижней палаты парламента. Ирина Викторовна Мануйлова представляет у нас Комитет Государственной Думы по образованию (заместитель председателя комитета). 29 октября в Госдуме прошло

заседание "круглого стола", и мы надеемся, что наши коллеги сегодня поделятся всем тем, что было в рамках обсуждения этой темы.

У нас сегодня присутствует заместитель председателя комитета Общественной палаты Любовь Николаевна Духанина, наш главный общественный контролёр и наблюдающий со стороны общества.

Безусловно, у нас в зале присутствуют депутаты Государственной Думы. Я, предоставляя слово, буду называть каждого, кто уже записался для выступлений. И пожалуйста: есть все возможности для того, чтобы те, кто не записался, смогли бы к этому присоединиться.

Сегодня у нас представители здесь Российской академии образования, которые также проявили большой интерес. И, безусловно, самые главные исполнители – это представители регионов, региональные органы управления образованием, представители региональных законодательных собраний.

И у нас достаточно большую часть присутствующих представляют те, кто непосредственно занимается этим процессом, профессионалы в области педагогических измерений, руководители региональных центров обработки информации, представители федеральных институтов, которые участвуют в разного рода организационных или (потом) аналитических работах, связанных с результатами единого государственного экзамена.

И наш комитет, придавая очень большое значение этим парламентским слушаниям, здесь представлен первым заместителем председателя нашего комитета Виктором Семеновичем Косоуровым.

Большое спасибо, Виктор Семенович, что Вы тоже сегодня с нами.

И хотела бы вам передать, что и Валентина Ивановна в курсе и с большим ожиданием смотрит на результаты наших парламентских слушаний, и Зинаида Федоровна Драгункина, которая сегодня, увы, находится в командировке, очень во многом рассчитывает на наше с вами сегодняшнее, я надеюсь, достаточно профессиональное обсуждение.

Уважаемые коллеги, если не возражаете, регламент мы предложили бы таким образом: для докладов, слово немножко формальное, но тем не менее я все-таки его употреблю... мы сегодня попросили Сергея Сергеевича Кравцова поделиться с нами всем тем, что называется единый государственный экзамен сегодняшнего дня. Мы попросили Любовь Николаевну Духанину выступить тоже, я бы сказала, с докладом, связанным с тем, каким образом и что волнует сегодня общество и как на это смотрит общество. И для выступлений... вот для этих докладов мы до 15 минут определили, а для выступлений, я думаю, если не будете возражать, 5–7 минут было бы достаточно. И ремарки, которые наши эксперты позволяют себе, мы предполагаем, что они будут более короткими, чем выступления.

Начать наши парламентские слушания я хотела бы с предоставления слово Людмиле Михайловне Огородовой как главной... Министерство образования и науки у нас главный в определении государственной политики в области образования.

Поэтому, Людмила Михайловна, пожалуйста, Вам слово.

Л.М. ОГОРОВОВА

Глубокоуважаемая Любовь Николаевна, глубокоуважаемые участники! Я хотела бы поблагодарить Совет Федерации за столь представительный и высокий уровень того обсуждения парламентского, который сегодня планируется по этому важному вопросу.

Мои компетенции не распространяются на область образования в Минобрнауки, но, мне кажется, нет ни одного социального вопроса, к которому каждый из нас, как просто гражданин страны, не имел бы отношения. И поэтому, конечно, единый государственный экзамен сегодня закреплен в новом законе об образовании. И у меня, как у гражданина России, к этому вопросу есть и свое личное отношение.

Когда-то я хотела поступить в МГУ, но родители не финансировали эти мои риски, они сказали, что это не понятно, поступишь ты или нет, а деньги будут

потрачены (ехать из Сибири далеко) и ты потеряешь год. Прошло время, и мой внучатый племянник два года назад сдал экзамен в Томске и прошел по конкурсу в МФТИ. Правда, он не воспользовался этой возможностью. В общем, я его до сих пор за это укоряю: поступить в такой ВУЗ и не воспользоваться этим. Но тем не менее, если бы у него было такое желание, он мог бы это сделать.

У всякого вопроса... как у инструмента развития образования, у единого экзамена есть другой вопрос – вопрос его качества. Мы все должны работать над качеством этого инструмента, но для этого нужно время. И, к сожалению, Россия не может воспользоваться опытом других стран в этом, потому что те вызовы, которые мы получаем, используя этот инструмент, они, вы знаете, в других-то странах ведь не проявляют себя.

И когда я, например, в этом году после летней нашей очередной истории спросила зарубежных коллег: "А если бы у вас такое произошло, что бы вы делали? И возможно ли такое?", они ответили: "Да у нас это в принципе никому не придет в голову, потому что законопослушные граждане, они точно знают, что они потеряют вообще возможность получить образование в любом вузе страны, если они вот таким образом поступят и нарушат закон".

Поэтому я думаю, что вот сегодня у нас есть возможность взвесить мнения наши, мы все такие разные, но все-таки перевести обсуждение из плоскости политики в плоскость все-таки конструктивного и профессионального поля, для того чтобы политика управления развитием образования в России была на современном, инновационном, модернизированном уровне и, конечно, была эффективной и качественной. Я желаю всем участникам этого совещания успехов сегодня в работе и конструктивного результата. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Людмила Михайловна.

Слово предоставляется Сергею Сергеевичу Кравцову, руководителю Рособрнадзора.

Как удобнее, Сергей Сергеевич? Давайте, наверное, с трибуны? Или как?

С места?

С.С. КРАВЦОВ

С трибуны.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Давайте, чтобы мы так доклады поосновательней выслушали.

С.С. КРАВЦОВ

Уважаемые коллеги, уважаемая Любовь Николаевна! Благодарю за приглашение принять участие в этих парламентских слушаниях. Как вы знаете, мы неоднократно обсуждали итоги единого государственного экзамена в 2013 году, те планы, которые есть на 2014 год, 2015 год. Обсуждение проходило и с представителями Государственной Думы, Совета Федерации, Общественной палаты, субъектов Российской Федерации. И надеюсь, что наша сегодняшняя встреча позволит некоторые промежуточные результаты этой дискуссии подвести.

Мы брали на себя обязательство провести детальный анализ единого государственного экзамена 2013 года. На сегодняшний день эта работа завершена, и о ее результатах я хотел бы здесь несколько слов сказать.

Но прежде давайте вспомним, с какими проблемами пришлось нам всем столкнуться в 2013 году.

Первое. Контрольно-измерительные материалы были до начала экзамена в сети Интернет, не только контрольно-измерительные материалы, но и ответы к контрольно-измерительным материалам.

Второе. Имело место списывание в пунктах проведения экзамена. Зачастую многие участники пользовались мобильными телефонами – социальные сети и так далее.

Третье. В ряде регионов возросло количество сдающих ЕГЭ досрочно. Вы прекрасно помните Ставрополь. Было увеличено в три раза количество учеников, которые в этом году досрочно сдавали ЕГЭ, с 80 порядка до 200. Почему? Потому

что считается, что на досрочном экзамене ослаблен контроль: нет общественных наблюдателей, заданий меньше и так далее.

Поэтому если мы не предпримем соответствующие меры, то ЕГЭ в 2014 году (не надо питать иллюзий) может пройти аналогично 2013 году.

Статистика нарушений (пожалуйста, первый слайд), обратите внимание, по 2013 году возросла с прошлым годом в два раза – 1,5 тысячи нарушений. Административных нарушений – более тысячи, к дисциплинарной ответственности привлечены 400 человек, к уголовной – пять. В 2012 году – 709 административных нарушений. В два раза. Это только те нарушения, которые нам известны официально. Сколько было на самом деле, мы можем только догадываться с вами.

Таким образом, в целом по стране мы наблюдаем рост количества нарушений в равной степени по всем регионам. Дошло дело до арестов. Вы знаете, что арестовали директора регионального центра обработки информации за то, что после проведения экзамена к нему приходили ученики и заполняли бланки, арестовали министра образования Карачаево-Черкесской Республики за продажу экзаменационных материалов (1 тыс. рублей за 1 балл ЕГЭ) и так далее.

Хочу сказать, что наш анализ, и я сегодня впервые об этом публично говорю, выявил и ряд других схем проведения ЕГЭ – нехороших схем.

Первая модель. Проводится досрочная сдача единого государственного экзамена (аналогично ЕГЭ), результаты которого специально занижаются, и родителям говорят: "Ваши дети не сдадут ЕГЭ". А чтобы сдали, надо сделать то-то и то-то.

Вторая модель. Посмотрите, на слайде – регионы с аномальными результатами. Но какие это регионы? И что в 2013 году стали делать регионы? Выставлять баллы... не 90–100 баллов, а 80–85. Почему? Потому что мы перепроверяем баллы больше 85.

Третья модель. Это модель, которая буквально недавно нами была обнаружена, когда по статистике всё нормально, но эксперты при перепроверке

задания части С завышают баллы тем ученикам, с родителями которых они договорились, а другим при этом занижают, чтобы не портить общую картину. И действительно, в этой ситуации распределение баллов равномерное, но внутри распределение неравномерное. Тоже понятно почему.

Посмотрите, на слайде представлена типичная работа из таких регионов, когда за невыполненное задание присуждалось 14 баллов.

Мы получаем письма от учеников, от родителей по ситуации. Вот одно из таких писем перед вами на экране. Я зачитаю, что пишет ученица, которая сдавала ЕГЭ, Санкт-Петербург, 618-я школа.

"Обидно, что я не поступлю, скорее всего, на бюджет в институт, который я выбрала. Я хотела помогать людям, а получается, меня лишают мечты детства какие-то фальшивые 100-балльники. Я хочу бороться с этой коррупцией. Пожалуйста, умоляю, рассмотрите это дело".

И таких обращений поступает к нам масса. Все эти случаи ведут к нарушению прав детей.

Теперь о планах на 2014 год, что мы планируем делать, чтобы этого избежать. Сразу скажу, что в части организации ЕГЭ для учеников принципиально ничего не изменится. Не будет изменена структура экзаменационных материалов, минимальные пороги. Все демоверсии уже опубликованы, ученики могут спокойно готовиться к единому государственному экзамену. Изменится ситуация с информационной безопасностью. Мероприятия будут направлены на усиление федерального контроля за проведением экзамена, потому что именно из-за его ослабления, прежде всего с федерального уровня, как показал наш анализ, были соответствующие нарушения в регионах. И наши усилия направлены на то, чтобы эти нарушения минимизировать в 2014 году.

Часть предложений по повышению информационной безопасности обсуждалась на недавнем совещании в Государственной Думе, о чем Любовь Николаевна сказала. Это те предложения, которые мы озвучивали. В частности,

это увеличение количества экзаменационных материалов, усиление роли общественных наблюдателей, сокращение количества пунктов проведения экзаменов, обеспечение видеозаписи проведения ЕГЭ.

Но есть и другие меры. Прежде всего, работа с социальными сетями. Мы встретились с представителями практически каждой социальной сети, есть понимание. Создали соответствующую рабочую группу, и в случае, если будут появляться мошеннические схемы по продаже КИМов, мы будем принимать соответствующие меры, и у нас есть соответствующая договоренность с правоохранительными органами. Есть ряд других мер, о которых в целях информационной безопасности я не буду говорить.

Также со вчерашнего дня мы открыли горячую линию в Рособрнадзоре по всем вопросам проведения единого государственного экзамена. Каждый – и ученик, и родитель, и организатор ЕГЭ – может позвонить и получить всю необходимую информацию о проведении, об организации ЕГЭ в 2014 году.

И самое главное, о чем уже говорилось, – 1 ноября был частично открыт банк заданий единого государственного экзамена и государственной итоговой аттестации, чтобы ученики могли ознакомиться с примерными заданиями экзаменов. Закрытое задание всегда вызывало неоправданное волнение у учеников, учителей, родителей. Чтобы снять это волнение, мы пошли на этот шаг.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все наши меры направлены не на наказание ради наказания. Это наш долг перед честными учениками, ребятами, и мы должны обеспечить равные права для всех выпускников в 2014-м и в последующих годах в период проведения ЕГЭ. Те, кто не согласен с данными изменениями, прежде всего боятся усиления контроля и выявления тех коррупционных схем, о которых говорилось выше.

Также нам видится, что необходимо проработать вопрос о внесении соответствующих изменений в Кодекс об административных правонарушениях и в Уголовный кодекс в части повышения ответственности организаторов ЕГЭ за вскрытие заданий и за оказание помощи участникам ЕГЭ.

Уважаемые коллеги, мы с вами понимаем, что уже сейчас, помимо организации ЕГЭ в 2014 году, необходимо думать о том, как будет проводиться ЕГЭ в 2015 году, какие изменения необходимо уже сейчас внести либо в структуру экзаменационных материалов, либо в технологию ЕГЭ, чтобы до 1 сентября 2014 года все эти изменения, прежде всего с точки зрения ученика, были утверждены, и с 1 сентября 2014 года ученики знали, какие изменения их ждут в 2015 году. Очень важно при этом, чтобы эти изменения не понизили объективность ЕГЭ.

Мы проанализировали предложения, которые уже обсуждались на разных площадках, вы видите их на слайде, в Интернете был нами открыт форум, на котором любой гражданин мог представить нам свои предложения. Понятно, что каждое из них требует очень тщательного обсуждения. Я надеюсь, что и сегодня в рамках парламентских слушаний мы также пообсуждаем эти вопросы. Но хочу сказать о некоторых рисках.

Например, портфолио. Хорошая идея, здравая идея – оценивать внеучебные достижения учеников. Но чтобы эта идея не превратилась опять в фабрику по выдаче этих портфолио и так далее. Прецеденты уже есть.

Ряд предложений, которые уже высказывались для организации ЕГЭ в 2015 году, нами апробированы. Вы знаете, что недавно успешно проведена апробация устной части экзамена по иностранному языку, проведен ЕГЭ в компьютерной форме для информатики, 80 регионов приняли участие. Поэтому если будет решение о принятии этих предложений, технологически они могут быть реализованы.

Уважаемые коллеги, в заключение я хотел бы несколько слов сказать о системе оценки качества школьного образования в целом. Результаты ЕГЭ – действительно очень важный элемент этой системы. Как сказал академик Асмолов, ЕГЭ единый, но не единственный. Сегодня экзамен может показать в основном только уровень приобретенных знаний. А может быть высокое качество образования без современных условий обучения, без соответствующей квалификации педагогов? Поэтому считаю, что показатель оценки эффективности

деятельности губернаторов, связанный с количеством не сдавших ЕГЭ, о чем говорила член Совета Федерации Галина Григорьевна Николаева, должен быть изменен. И я хочу проинформировать вас, что Дмитрием Викторовичем Ливановым соответствующее письмо в Минрегион направлено, в рабочем порядке мы этот вопрос обсуждаем, надеемся на положительное решение этого вопроса.

Но что говорит нам Минрегион, уважаемые коллеги? Минрегион абсолютно правильно нам говорит: "Какие другие показатели есть по оценке качества образования?" А их на сегодняшний день фактически нет. Нет других объективных, получаемых по стандартизированной форме показателей оценки качества образования. Нет соответствующих измерителей, широко апробированных на практике. Поэтому мы вместе с Министерством образования и науки подготовили проект концепции ОСОКО и начиная с 2014 года планируем проведение мониторинга оценки качества образования в начальной, основной и старшей школе.

Я предлагаю посвятить следующие парламентские слушания обсуждению этого вопроса. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич, как руководитель контрольно-надзорного органа, задал нам определенную рамку, собственно, которую и должен был задать, – это опасения, это предложения по усилению контроля. Безусловно, я его очень хорошо понимаю. И я думаю, что Любовь Николаевна Духанина продолжит взгляд на государственную итоговую аттестацию с точки зрения все-таки тех, для кого всё это проводится, и того, как на это смотрит наша общественность.

Пожалуйста, Любовь Николаевна. Хотя я никаким образом не ограничиваю рамки содержательные Вашего выступления. Как Вы посчитаете необходимым.

Л.Н. ДУХАНИНА

Спасибо большое.

Уважаемая Любовь Николаевна, уважаемые участники парламентских слушаний! Просто реагируя на предыдущее выступление, я бы к негативным моделям добавила еще одну – модель под названием "ЕГЭ-туризм" – и больше не возвращалась бы к теме негативных моделей, построила бы свое выступление иначе.

Я, во-первых, хотела бы поблагодарить всех тех, с кем мы уже фактически 10 лет, а я так понимаю, что у нас в этом году завершается первое 10-летие ЕГЭ на территории нашей страны. И действительно, это было сложное 10-летие, когда мы фактически начали создавать на огромнейшей территории огромной страны с огромным количеством детей, педагогов, школ, с огромным количеством часовых поясов уникальную систему, которая должна была бы (и сегодня эта цель, на мой взгляд, сохраняется): первое – создать объективную систему оценивания; второе – увеличить доступность высшего образования для детей из удаленных территорий; и третье – обеспечить снижение нагрузки на ребенка в финале его школьной поры, объединив итоговую школьную аттестацию и проведение конкурсных процедур при проведении ЕГЭ. Одновременно планировалось исключить коррупционную составляющую при поступлении в вузы.

Период внедрения ЕГЭ в режиме эксперимента сопровождался интересом со стороны учителей-новаторов, школ, стремящихся быть действительно современными.

Одновременно звучала критика. Она была направлена в основном на содержание КИМов. И это понятно, так как профессионалы, которым пришлось это делать, делали это впервые, создавали разные, но одновременно равнозначные КИМы фактически для миллиона сдающих детей. Это было очень непростой, сложной задачей.

Скоро настал период штатного режима, когда экзамен стал обязательным. И фактически первые два года – 2008-й и 2009-й – мы все вместе осваивали процедуру ЕГЭ. И именно в этот период был самый большой шквал негодования по отношению к самой процедуре.

Первые два года выявили фактически низкий уровень информирования (в тот момент) о процедуре ЕГЭ у всех участников экзамена. Организаторы звонили из аудиторий (тогда еще можно было иметь мобильный) и спрашивали, как упаковывать работы. Дети интересовались, почему их не пускают на экзамен. Родители детей-инвалидов говорили о том, что они не смогут донести ребенка в простыне до пункта приема экзамена.

Общественная палата и общество одновременно требовали решить все эти вопросы. И мы регулярно с участием подавляющего большинства здесь присутствующих – членов Совета Федерации, городской Думы, Министерства образования и науки, Рособнадзора – проводили заседания "круглых столов" и обсуждали и выдвигали свои предложения.

В 2010 году была создана специальная комиссия при Президенте Российской Федерации по усовершенствованию ЕГЭ и был разработан комплекс мер, который, по усмотрению членов комиссии, должен был кардинально поменять сложившуюся ситуацию. И, к чести Министерства образования и науки Российской Федерации и Рособнадзора, и здесь я личные слова благодарности хочу сказать Любви Николаевне Глебовой, многое удалось сделать. Например, сегодня создана юридическая база и действует механизм комфортной сдачи единого государственного экзамена для детей с особенностями здоровья. И каждый год всё больше детей с особенностями здоровья у нас выбирают форму единого государственного экзамена.

В рамках этой комиссии в 2011 году было принято решение об институализации системы общественных наблюдателей, которую мы все вместе в течение двух лет пытались пробовать в ряде регионов. И уже летом 2013 года на пункте приема экзаменов у нас вышло больше 80 тысяч общественных наблюдателей. Фактически, мы сейчас с вами создаем один из механизмов общественно-государственного управления развитием образования. Он носит как превентивный характер, так и контролирующий характер. И очень многие родители сегодня пользуются этим инструментом для того, чтобы заранее,

заблаговременно посетив пункт приема экзамена, пока еще их дети учатся в 8–9-х классах, самим понять процедуру единого экзамена. Конечно, очень важно, чтобы система общественного наблюдения позволяла обеспечить честность и справедливость экзамена по отношению к детям.

Система продолжает совершенствоваться. В прошлом году ее действие было распространено на этапы апелляции. По итогам этого года мы выдвинули предложение, и оно уже нормативно закреплено, распространить присутствие общественных наблюдателей на этап проверки работ. И я очень рассчитываю, что наличие этого механизма позволит в следующем году руководителю Рособнадзора Сергею Сергеевичу не демонстрировать нам работу, на которой явно видно, что в период проверки работы дописаны рукой взрослого ответы на те вопросы, которые не смог решить ребенок.

Для того чтобы выстроить действительно эффективно работающую систему общественного наблюдения, нам, конечно, нужно активизировать работу фактически по повышению квалификации общественных наблюдателей. И мы рассчитываем в этой работе на поддержку Министерством образования и науки всех регионов, потому что основная доля всегда всё равно в этой большой затее ложится на субъекты, на конкретные муниципалитеты. И поэтому очень важно, чтобы у них была мотивация сделать честный и справедливый экзамен, используя все механизмы.

18 числа совместно с Министерством образования и науки и при колоссальной поддержке Рособнадзора мы будем проводить в Общественной палате первый Всероссийский форум общественных наблюдателей. Я всех приглашаю. Перед нами стоит важная задача определиться с правами и обязанностями общественных наблюдателей, какие действия они имеют право совершать на том или ином этапе, как и на кого они могут воздействовать.

Однако, несмотря на наличие вроде бы такого достаточно серьезного продвижения, остаются нерешенными такие вопросы, как вопросы свержения результатов ЕГЭ на судьбу губернатора, в школах – учителя, о чем Сергей

Сергеевич уже говорил. Совершенно понятно всей стране уже не первый год, что не могут результаты, полученные однократным способом, быть столь значимы и учитываться в соревновании: либо их нужно вообще убирать, либо их нужно размывать другими показателями, которые действительно характеризуют качество образования, чтобы их доля была ниже.

Нерешенным является вопрос, по которому жалуются родители, – это вопрос соответствия предлагаемого экзамена уровню реализуемых учебных программ.

Один урок по химии, например, в неделю в 10–11 классе не создает возможности обеспечить подготовку ребенка к сдаче экзамена на 95–100 баллов. И здесь встает вопрос перехода на экзамен двухуровневый по предметам естественно-научного цикла, либо нужно какое-то другое решение. Но совершенно ясно (правовая позиция, которая защищает интересы ребенка), что экзамен должен соответствовать реализуемым образовательным программам.

Части В, С уже Сергей Сергеевич назвал. Это электронная версия экзамена. Скажу, что она очень нужна нашим школам, которые действуют за рубежом. И поэтому очень важно ускорять решение. Мы очень рады тому, что появляются открытые банки заданий. В целом педагогическое сообщество и граждане выдвигают много предложений по совершенствованию ЕГЭ. У всех есть колоссальное количество предложений. Они звучали и на заседании "круглого стола" в Государственной Думе.

Какова главная проблема этого года? Это утрата доверия к результатам экзаменов в силу того, что эти результаты многими были добыты нечестно.

Вообще, вопрос о том, как жить по совести и как воспитывать ребёнка, чтобы он стремился жить по совести, чтобы он учился жить и действовать в условиях честной, справедливой конкуренции, это сегодня один из главных вопросов в воспитательной системе школы.

Я чуть отвлекусь, сегодня у меня в школе находятся представители Оксфорда. Я вынуждена была ехать сюда, и я им сказала, что мне нужно ехать на

парламентские слушания в Совет Федерации, что это у нас очень влиятельный орган. Они, конечно, прекрасно знают, что такое Совет Федерации. Я им задаю вопрос: "А у вас не списывают?" Они мне отвечают: "У нас тоже есть утечки, но у нас нет недобропорядочного поведения детей. В тех случаях, где у нас случаются утечки, это когда взрослые достают из сейфа и вскрывают заранее". В связи с этим я задаю вопрос: "А как вы воспитываете детей таким образом, что они так не поступают?" В ответ звучит, что есть очень серьёзная система ответственности, и она выглядит приблизительно таким образом: если ребёнка заметили в нарушении на одном экзамене, то ликвидируются не только результаты этого экзамена, а ликвидируются результаты всех экзаменов. И есть специальная комиссия, которая может принять решение, что ребёнок не допускается к пересдаче в течение 5 лет. Поэтому дети не рискуют оказаться в такой ситуации. Взрослые – редко, но тоже случается. Но не надо ориентироваться на Великобританию. Тяжелее всего в Италии, потому что там культура страны состоит в том, что взрослый должен помогать ребёнку в любой ситуации, даже на экзамене.

Поэтому ситуация в мировом пространстве, она очень разная. Китай, например, нам демонстрирует совершенно другую позицию – абсолютно строго проведения экзамена. Но нужно понимать только одно: какой бы механизм в образовании мы не реализовывали ради какой-то цели, всё равно он является частью всей системы образования и на него влияют абсолютно все наши составляющие.

Когда я задавала в этом году особенно активно вопрос родителям о том, почему мы допускаем такую ситуацию, когда и ребёнок, и взрослый могут пытаться получать более высокие результаты нечестным путём, ответы были приблизительно такие: первое – низкое качество обучения в школе; второе – низкая квалификация учителей. Вот эти две позиции очень активно звучат последние два года, поэтому я обращаю на это внимание.

Сейчас фактически родители говорят о том, что иногда... некоторые, которые звонили, говорят о том, что учитель не может написать единый государственный экзамен больше чем на 60–65 баллов. Справедливо ли требовать от ребёнка результата выше? И, конечно же, высокая цена экзамена: не сдал – потерял год. Вот эти все мотивы, или причины, которые заставляют наши семьи и взрослых в целом двигаться не в том направлении, в котором мы планировали. Что же делать?

На мой взгляд, нужно самый большой акцент в образовании сейчас сделать на повышении качества образования в каждой школе. И второе – необходимо предоставить возможность детям, семьям проходить через независимую систему оценивания во время всего периода обучения в школе по их запросу.

Сегодня, когда родитель сомневается в результатах своего ребёнка, он пытается спрашивать у друзей, те дают ему другого учителя, учитель смотрит, и, таким образом, родители пытаются оценить результаты своего ребёнка. Гарантий, что это будет сделано качественно, у родителей нет в этой ситуации. Нужны профессиональные независимые центры тестирования, действующие круглогодично. И запрос у общества на это есть и он понятен.

Кто же должен этим заниматься в целом? Конечно, должно заниматься профессиональное педагогическое сообщество.

Нам нужно выращивать экспертов в оценивании в образовании через создание ассоциаций, каких-то дискуссионных площадок. Это новое фактически направление в образовании в нашей стране. При этом очень важно, чтобы независимая система оценки качества образования давала не только некий срез на текущий момент, но и посыл нам – направления развития ребенка. Оценивание должно носить формирующий характер, оно должно быть не только ради оценивания, а ради того, чтобы стало понятно и учителю, и ребенку, и семье, как дальше, по каким направлениям развивать ребенка.

К сожалению, в нашей стране оценочные процедуры не сложились по многим направлениям. Пока не сложились. Нам предстоит создать систему независимой оценки примерных образовательных программ, нам предстоит создать независимую систему оценивания учебников. Очень многое предстоит сделать в части ЕГЭ в работе над КИМами в условиях перехода на новые федеральные стандарты.

И пользуясь присутствием и Министерства образования и науки, и Рособрнадзора, и Совета Федерации, и Государственной Думы, и всех коллег, хочу попросить не откладывать это в долгий ящик, на это времени уже нет. У нас начальная школа, первые классы, уже закончили обучение по новым стандартам, да? У нас с вами, в соответствии с законом об образовании, в этом году уже обязательные экзамены в 9 классе, и фактически через три года мы выходим на другую систему оценивания с точки зрения ее смысла по 9 классам. Если учесть, что нам нужен год, минимум, на апробацию, времени осталось очень мало. И это очень сложный профессиональный труд. И я желаю Рособрнадзору, Министерству образования и науки, ФИПИ... во главе с Сергеем Сергеевичем, он у нас молодой руководитель, и мы рассчитываем на то, что его энергии будет достаточно для того, чтобы всех профессионалов и суперпрофессионалов объединить и действительно выйти на создание независимой системы оценки качества. И самое главное – чтобы при принятии решения определяющим был голос профессионалов. Спасибо большое.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Любовь Николаевна.

Уважаемые коллеги, доклады, 15-минутные по регламенту, закончены. Я предлагаю дальше обсуждение проводить с мест, пользуясь временем 5–7 минут, и не передвигаться к "сцене".

И позволю себе сказать по ведению, может быть, справочно, что позволит нам двигаться по тем вещам, которые уже обозначены.

У нас уже в двух выступлениях прозвучала тема, связанная, собственно, со спорностью показателя по баллам ЕГЭ, неважно там средний балл и так далее, в оценке эффективности деятельности губернаторов. Я хотела бы вам сказать, что у нас сегодня здесь присутствует референт Управления Президента Российской Федерации по научно-образовательной политике Гудков Андрей Алексеевич.

Спасибо большое, что Вы к нам пришли.

Мы пригласили, чтобы вы выслушали именно точку зрения Администрации Президента, которая формирует показатели оценки эффективности. Хочу вам сказать, что они тоже очень заинтересованы в том, чтобы эти показатели мотивировали нашу региональную исполнительную власть точно также на честный, объективный, независимый экзамен, а не были бы фактором, который заставляет губернатора улучшать эти результаты. Это как бы первая история.

И вторая справочка у меня здесь такая организационная. Давайте мы, постольку поскольку про ЕГЭ говорим, как на ЕГЭ: не пользуемся мобильными телефонами. Сейчас уже поздно их, как на ЕГЭ по закону теперь, не иметь при себе, но давайте хотя бы не пользоваться.

С МЕСТА

Сдавать при входе.

Л.Н. ГЛЕБОВА

При входе можно было – упустили. Виктор Викторович, Вы нам потом подскажите, как правильно нам дальше действовать.

Уважаемые коллеги, дальше я хотела бы воспользоваться предложенной мною в регламенте нашей особенностью и спросить наших экспертов.

Вот вы выслушали два доклада, может быть, у нас...

Роман, есть ли какие-то соображения, впечатления, что бы выделил, что важно, что с точки зрения, как я сейчас формально назову, потребителей того, о чем мы говорим, что кажется важным, что волнует. Очень коротко, да? Роман, пожалуйста.

Р.И. ДУДАРЕВ(?)

Спасибо.

Единственный вопрос у меня возник сейчас к Сергею Сергеевичу.

Вы сказали, по поводу досрочного ЕГЭ. А почему задания, Вы сказали, немножко изменены? Почему именно в досрочной сдаче экзамена другие задания идут? Почему нельзя сделать, например, досрочную сдачу точной такой же, как в момент проведения экзамена?

лл

Л.Н. ГЛЕБОВА

Понятно. Давайте так, Роман. Мы услышали, что изложенное вызывает вот такие вопросы у наших экспертов. Это не означает, что мы должны на них начать отвечать, да? Но, безусловно, когда...

Р.И. ДУДАРЕВ

Просто интересно систему тогда...

Л.Н. ГЛЕБОВА

Роман, у Вас в четверг будет встреча с Сергеем Сергеевичем (правильно я говорю?), и Вы там можете практически всё изложить.

Вот жанр слушаний предполагает такую работу: мы высказываем мысли и смотрим, какая из них находит отклик у ребят, а какая не находит. Вот эта тема заинтересовала, Сергей Сергеевич для себя взял это на заметку, и мы, соответственно, тоже (и в этом смысле спасибо) экспертную позицию услышали.

Итак, уважаемые коллеги, в рамках обсуждений в первую очередь я хотела бы предоставить слово нашим коллегам из Государственной Думы, поскольку у них было очень серьезное обсуждение в рамках "круглого стола". И Ирина Викторовна коротко, как по регламенту определено, с нами поделится результатами той работы, которая проведена в Государственной Думе.

Пожалуйста, Ирина Викторовна.

И.В. МАНУЙЛОВА

Спасибо.

Уважаемая Любовь Николаевна, уважаемые коллеги! 24 октября состоялось заседание "круглого стола" на тему "Совершенствование государственной итоговой аттестации в системе общего образования". Мы рассматривали не только сам ЕГЭ, но и аттестацию по итогам начального общего и основного общего образования. Но коротко, пытаясь донести до вас те рекомендации, которые прозвучали, не могу не остановиться на том, что анализировали плюсы и минусы ЕГЭ как итоговой аттестации и в качестве существенных преимуществ выделяли то, что ЕГЭ обеспечивает выпускникам равные условия при оценке результатов освоения общеобразовательной программы, то, что он обеспечивает большую объективность за счет того, что КИМы охватывают все изученные темы курса, и существенно бóльшую точность в оценке позволяет дать 100-балльная шкала оценивания в отличие от ранее принятой 5-балльной.

Здесь уже много говорилось о преимуществах в плане доступности лучших и наиболее востребованных вузов для ребят, которые проживают за пределами центров. Преимуществ масса, но вместе с тем есть проблемы и недостатки. О них тоже говорили сегодня, но я хочу остановиться, пожалуй, на двух тезисах, которые сегодня не прозвучали. Я хочу напомнить о том, что существующая система государственной аттестации предусматривает проведение только двух обязательных экзаменов, а по учебному плану в 10–11-м классах ребята изучают от 12 до 18 предметов. Таким образом, бóльшая часть предметов вне контроля, и ребята прекращают изучать многие из этих предметов, что, вне всякого сомнения, сказывается на качестве.

Использование на ЕГЭ письменной формы ответа привело к тому, что невозможно объективно оценить отдельные элементы, которые, вне всякого сомнения, являются важной характеристикой уровня подготовки выпускника: это и качество устной речи, и практические навыки, необходимые при изучении отдельных предметов, и индивидуальные особенности мышления обучающегося. И те многочисленные процедурные нарушения, допущенные в том числе и

должностными лицами, привели к необъективности в оценке выпускников, что снизило достоверность полученного результата.

Участники "круглого стола" обращают внимание на проблемы, связанные с неправомерным использованием результатов ЕГЭ для управления в сфере образования. Это то, что сегодня для большинства регионов ЕГЭ стал действительно единственным инструментом оценки образования. В силу этого мы чрезвычайно его нагрузили социально, хотя изначально ЕГЭ рассматривался лишь как одна из частей общероссийской комплексной системы оценки качества образования.

Сегодня об этом уже много говорилось, и я не буду останавливаться, но тем не менее отсутствие в настоящее время такой системы привело к соблазну пойти на нарушения при сдаче ЕГЭ у всех заинтересованных социальных групп. И мы действительно фиксировали нарушения со стороны обучающихся и их родителей, педагогов, руководителей общеобразовательных учреждений, работников управлений, и можно продолжить этот перечень.

Вместе с тем отсутствие достаточной нормативной базы установления наказания за допущенные нарушения со стороны должностных лиц, органов исполнительной власти, социальных сетей привело сегодня к быстрому росту числа таких нарушений, появлению самых разнообразных коррупционных схем.

Имеющаяся практика свидетельствует еще и о том, что недостаточно ведется разъяснительная и просветительская работа по распространению объективной информации о ЕГЭ. До сих пор представление о том, что такое ЕГЭ, 51 процент наших сограждан получает из непрофессиональных СМИ, а это, в свою очередь, способствует формированию преимущественно отрицательной, неадекватной оценки ЕГЭ в обществе, потому что о положительных качествах ЕГЭ в этом случае мы вряд ли услышим.

Вместе с тем главной задачей "круглого стола" было –предложить комплекс мер, которые позволят сделать государственную итоговую аттестацию

более объективной, независимой и обеспечить равный доступ и равные права для всех обучающихся при сдаче ЕГЭ.

Среди рекомендаций я хотела бы озвучить следующие. Необходимо усилить ответственность должностных лиц за допущенные ими нарушения и предоставить больше прав региональным комиссиям, вплоть до аннулирования результатов на данном, конкретном пункте приема экзамена, если таковые нарушения там имелись. Изменить оценку эффективности деятельности руководителей субъектов Российской Федерации. Убрав показатель результативности ЕГЭ, как единственный, применять комплексную систему оценки качества образования. Рассмотреть возможность внесения изменений в правила приема в вузы, которые обеспечивают использование дополнительно к результатам ЕГЭ портфолио выпускника, в котором будет учитываться и средний бал аттестата, и личные внеучебные достижения.

Мы, благодаря ЕГЭ, позволили выпускнику поступать в несколько вузов, но, на наш взгляд, при сохранении этого права необходимо все-таки право подавать документы на обучение по специальностям и направлениям подготовки ограничить только одной укрупненной группой, потому что фактически сегодня у нас профориентационная работа оказалась совершенно размыта.

Необходимо активизировать разъяснительную и просветительскую работу, формировать в обществе адекватную оценку сложившейся практики проведения государственной итоговой аттестации, особое внимание уделять работе с социальными сетями.

Рассмотреть возможность увеличения числа обязательных экзаменов при проведении государственной итоговой аттестации. При этом проведение государственной итоговой аттестации по гуманитарным и естественнонаучным предметам, возможно, организовать в форме комплексного ЕГЭ, который будет включать в себя задания базового уровня сразу по нескольким соответствующим предметам. Возможно, установить для лиц прохождение повторной государственной итоговой аттестации в форме ЕГЭ.

Рассмотреть возможность выдачи аттестатов о среднем общем образовании с неудовлетворительными отметками по одному или двум предметам. И, вне всякого сомнения, мы не раз слышали мнения противников этого тезиса, но тем не менее, если мы усиливаем контроль, вполне вероятно принятие такой меры.

Разработать систему мер по стимулированию развития негосударственных инструментов оценки качества общего образования. Я поддерживаю Любовь Николаевну, которая говорила о том, что нам необходимо создавать систему независимых организаций, которые будут осуществлять оценку качества освоения общеобразовательных программ в течение не только аттестационного периода, но и, возможно, в течение двух лет обучения ребенка в старшей школе.

Введение сертификации пунктов проведения ЕГЭ. Проведение ЕГЭ по окончании освоения общеобразовательной программы, чтобы не нарушать учебный график большинства школ.

Сегодня уже открыт федеральный банк заданий, и я думаю, что есть смысл рассмотреть и разработку технологии автоматизированного формирования КИМ из открытого федерального банка заданий.

Возможность проведения апелляции результатов ЕГЭ с использованием видеоконференцсвязи. Предоставление обучающимся по их требованию возможности ознакомления с результатами проверки выполнения экзаменационной работы, включая все ее части, а не только часть "С".

Возможность расширения полномочий общественных наблюдателей, предоставление им права присутствия в центрах обработки информации, права пресечения выявленных нарушений, в том числе при проведении апелляций.

Использование при проведении государственной итоговой аттестации в форме ЕГЭ по отдельным предметам заданий с устным ответом, особенно по таким предметам, как иностранный язык, литература. Увеличение числа заданий с открытым ответом, заданий, где требуются практические навыки работы.

Включение в контрольно-измерительные материалы по большому числу предметов заданий, где требуется развернутый письменный ответ.

Ну и, вне всякого сомнения, вопрос совершенствования ЕГЭ – это еще и вопрос совершенствования качества подготовки выпускников. И это, наверное, предмет следующего разговора, он лежит, возможно, за рамками сегодняшнего обсуждения. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Ирина Викторовна.

Мы ощущаем, что в Государственной Думе состоялся такой профессиональный разговор. Внимание было обращено на разные детали – организационные такие, управленческие. Безусловно, я думаю, что...

Я знаю, что рекомендации утверждены на заседании комитета, они поступят в региональные органы управления образования, безусловно, во все федеральные институты, которые заняты организацией и проведением единого государственного экзамена. Спасибо большое, Ирина Викторовна, за то, что Вы нас с ними ознакомили.

Коллеги, проинформирую вас, что к нам присоединилась директор Департамента государственной политики в сфере общего образования Министерства образования и науки Анастасия Владимировна.

Добрый день! Очень хорошо, что Вы сейчас продолжите с нами работу, потому что непосредственно у вас и в Рособрнадзоре, собственно, и будет перевариваться всё то, что наши эксперты здесь наговаривают.

Уважаемые коллеги, я бы предложила дальше послушать мнение на эту тему тех, кто непосредственно по закону несет полную ответственность за государственную итоговую аттестацию. Я лишь напоминаю, что в рамках разграничения полномочий ответственность и полномочия по проведению государственной итоговой аттестации у нас несут регионы, субъекты Российской Федерации. Поэтому всё то, что на самом деле делается, хорошо или плохо, насколько подготовительная работа бывает результативной или

нерезультативной, – всё это на своих плечах несут наши регионы. Я искренне благодарю всех представителей регионов, приехавших сегодня к нам на это обсуждение. И попросила бы продолжить наш разговор Маргариту Игоревну Короткевич, первого заместителя министра образования Калининградской области. И не только потому, что Калининградская область ближе всего смотрит на Запад, наверное, не только поэтому, но и в силу того, что Калининградская область почти с первых минут участвует в эксперименте и имеет свои наработанные результаты.

Пожалуйста, Маргарита Игоревна.

М.И. КОРОТКЕВИЧ

Уважаемые коллеги, у меня презентация, но я, наверное, не буду отвлекать внимание надолго, может быть, презентация будет просто пролистываться, я только остановлюсь на некоторых моментах организации и проведения единого государственного экзамена в Калининградской области.

Действительно, Любовь Николаевна права, она сказала, что мы практически с первого года являемся участниками этой процедуры. Причем решение было принято у нас сначала по одному предмету, дети сдавали только математику, потом обязательными предметами стали два – русский язык и математика. Весь путь развития эксперимента и осуществления штатного режима нами был пройден, и сегодня я могу сказать, что, наверное, для того чтобы результаты единого государственного экзамена были валидны, нужно четко соблюдать процедуру. И в Калининградской области эта процедура в принципе не нарушалась никогда, у нас были мониторинги, были выездные проверки, были контрольные проверки, никогда не было такого, чтобы в нашем регионе была нарушена процедура, и за эти годы у нас ни разу не были поданы апелляции по процедуре единого государственного экзамена. Один случай был (Любовь Николаевна поправляет меня): за полчаса до конца экзамена в аудитории зазвонил мобильный телефон, организаторы не прервали экзамен, не удалили ребенка, у которого в сумке зазвонил телефон, и участница процедуры, девушка,

находившаяся в этой же аудитории, написала апелляцию, что организаторами была нарушена процедура. Эти материалы рассматривались, подавались в службу по контролю и надзору в сфере образования Калининградской области, далее в судебные инстанции, но, к сожалению, наказания ответственного организатора не последовало. За исключением этого случая больше таких нарушений у нас не было.

За эти годы в чем успешность? В том, что были проявлены определенные волевые решения и на уровне губернаторов, и на уровне правительства, и на уровне всех тех, кто имеет отношение к процедуре, и всех тех, кто к этой процедуре отношения не имеет. Мы проводим огромную разъяснительную работу, информационную работу. Мы работаем и со СМИ, и с депутатами областной Думы, и с родителями, и в пунктах проведения экзамена, и в школах, и в муниципальных органах управления образованием.

еф

У нас в принципе нет отторжения ЕГЭ, это процедура с человеческим лицом. Наверное, это связано ещё и с тем, что наши вузы, которые располагаются на территории Калининградской области, ещё в то время поддержали нас и отменили свои вступительные испытания в пользу того, чтобы принимать выпускников по результатам единого государственного экзамена.

Что касается общественного участия. У нас, благодаря многочисленным процедурам, которые проводились в рамках национального приоритетного проекта, сформировано экспертное сообщество, общественные организации присутствуют в пунктах проведения экзамена. И в принципе единственное, наверное (об этом я скажу позже, в предложениях), – то, что касается общественных организаций педагогических работников, которые не имеют права на сегодняшний день принимать участие в общественном наблюдении за ходом проведения этой процедуры.

Кроме того, хотелось бы отметить, что у нас работают сайты, и вся информация о процедурах, о порядке, о результатах экзаменов становится сразу

доступной. Мы работаем по-разному с результатами экзаменов. У нас есть в регионе, в нашей региональной системе оценки качества образования такой пункт, как Фонд стимулирования качества образования, тот фонд, откуда лучшие школы Калининградской области могут получить дополнительные средства на реализацию основных образовательных программ. Так вот, в этом году по результатам проведения единого государственного экзамена нами было принято решение о том, что те школы, выпускники которых не получили аттестаты, не являются претендентами на получение дополнительных средств из этого фонда, потому что мы говорим о качестве образования.

Хотела бы сказать про те нарушения, которые были нами выявлены на протяжении 2011, 2012, 2013 годов. В 2011 году у нас было зафиксировано 27 нарушений со стороны участников ЕГЭ, в 2012 году – 11 нарушений и в 2013 году – 15 нарушений, среди них 9 нарушений было в связи с использованием или наличием мобильного телефона.

Службой по контролю и надзору были составлены протоколы в отношении нарушителей. Восемь протоколов было составлено на физических лиц, и два протокола было составлено на должностных лиц, потому что спустя три дня после проведения экзамена мы получили информацию, что один из наших участников воспользовался передачей данных с мобильного телефона через Интернет, кому-то он передавал часть КИМ. То есть эта ситуация в аудитории произошла. Таким образом, были составлены протоколы на должностных лиц, то есть на организаторов, даже были определены меры (20 тысяч – штраф), но суд отменил эти решения. То есть сначала назначены были, потом также точно были отменены.

В этой связи я хотела бы сказать в части нарушений: очень по-разному судебные органы относятся к нарушителям данной процедуры. У нас были случаи, когда за одну и ту же процедуру один был наказан, а другой не был наказан. Были переданы материалы, допустим, в комиссию по делам несовершеннолетних либо же в суд, и по-разному рассматривается одно и то же нарушение, и наказание совершенно различное.

В заключение я хотела бы сказать о следующем – о наших предложениях. Предполагаемые нововведения, которые сейчас рассматриваются на разных уровнях, – это камеры видеонаблюдения, рамки-металлоискатели и прочее, – мы считаем, что это полностью девальвирует систему воспитания законопослушного гражданина. Для того чтобы слаженно работали все структуры, должна быть понятная процедура, и не должно быть двусмысленности. Должны быть приняты нормативные документы, они должны быть известны всем.

еф

Четкое соблюдение процедуры позволит нам уйти от мер такого характера в части детей – участников процедуры.

Дальше. Что касается содержания ЕГЭ. Недавняя апробация экзамена по иностранному языку показала следующее: даже когда мы апробируем возврат процедуры говорения, это все-таки монологичная речь, а не диалог. И, наверное, по иностранному языку оценить результат ребенка только по его монологу невозможно, потому что если мы говорим про владение иностранным языком, то ребенок должен вступить в диалог. Даже если мы не предполагаем участие эксперта в самой процедуре экзамена, то программное обеспечение должно позволять ребенку вступить в диалог, точно так же, как он наговаривает монологичную речь, и она записывается.

Дальше.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Маргарита Игоревна, давайте... у нас регламент...

М.И. КОРОТКЕВИЧ

Если говорить про изменение технологий (сегодня уже говорили про те материалы, на которых что-то дописано или написано), то, наверное, надо уже использовать какие-то новые технологические решения в программном обеспечении с той целью, чтобы те результаты отсканированных работ, которые поступают на проверку, могли потом соотноситься с теми оценками, которые выставляются экспертами. То есть если там что-то было дописано, то,

соответственно, программным способом должна эта работа как-то отсеиваться, программа не должна принимать такую работу (к тому, что там появились какие-то баллы за выполнение заданий).

Дальше. По институту общественных наблюдателей. Конечно, мы бы все-таки предложили не ограждать педагогических работников, которые являются членами общественных организаций, от участия в едином государственном экзамене, потому что это могут быть работники детского сада или работники вузов, но те, которые могли бы оценить объективно, что происходит. И в принципе это тоже является одним из аспектов общественной оценки и профессиональной оценки той процедуры, которая соблюдается или не соблюдается.

Ну и последнее. Наверное, хотелось бы рассмотреть ситуацию, когда мы разрешили бы детям выбирать экзамены и после 1 марта. Почему? Потому что есть случаи, к сожалению: военные вузы, они меняют правила уже в июле, когда на ту или иную специальность – другой предмет, или же медицинское освидетельствование не позволяет этому выпускнику продолжать участие в испытаниях, или же физическая культура... не пройдено испытание.

И последнее – по методическим рекомендациям, которые были... проект методических рекомендаций, который касается экспертов. Мы, наверное, все-таки не сторонники той ситуации, когда экспертов нужно разделять по уровням – ведущий, старший и просто эксперт. У эксперта должна быть определенная квалификация. Только при этой квалификации он может стать экспертом. Если мы говорим про ведущего, старшего и просто эксперта, то очень тяжело будет в детской, родительской... и социуме объяснить, почему эта работа попала к ведущему эксперту на проверку, эта попала просто к эксперту на проверку. Значит, мы предъявляем какие-то требования к эксперту, они должны быть одинаково качественными для всех экспертов. Спасибо большое.

С.С. КРАВЦОВ

У меня один вопрос.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Сергей Сергеевич, давайте мы по регламенту... Секундочку...

С.С. КРАВЦОВ

Да.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Вот такая взволнованность и, собственно, такой объем выступления Маргариты Игоревны как раз показывают, что профессионального обсуждения деталей организации процесса, всего, что связано с совершенствованием, видимо, на сегодняшний день не хватает. И я понимаю реакцию Сергея Сергеевича, который...

С.С. КРАВЦОВ

У меня один вопрос просто.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Сергей Сергеевич, не будем!

С.С. КРАВЦОВ

Ну, один вопрос буквально.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Сергей Сергеевич, у Вас будет возможность в рамках вашей профессиональной дискуссии, которую вы обязательно по итогам наших слушаний организуете с начальниками управлений и с представителями регионов...

Я бы хотела обратить внимание на то, что площадка Совета Федерации предполагает обсуждение... скорее, такой общественно-политический ее контекст, скорее, мы смотрим на то, каким образом выявить проблемы. Но пути решения, они рождаются не в рамках общественно-политического обсуждения, они рождаются в рамках профессиональных дискуссий.

И я еще раз повторяю, что мне очень нравится взволнованность Сергея Сергеевича. Это означает, что он обязательно по итогам нашей встречи организует то обсуждение, которое позволит ему позицию регионов обязательно учесть в дальнейшей работе.

Маленькая справка, которую, мне кажется, надо в данном случае дать. Хотела бы обратить внимание, чтобы не сложилось ощущение неоправданных ожиданий у коллег по итогам наших слушаний, что решением комиссии при Президенте Российской Федерации (это решение никто не отменял) было категорически запрещено изменение каких-либо правил на федеральном уровне после начала учебного года для того, чтобы не создавать коллапса. И я знаю, что намерения Министерства образования и науки, Рособрнадзора связаны с тем, чтобы пытаться осуществлять проектирование, экспериментирование на добровольном участии регионов, но в штатном режиме. Те изменения, о которых мы сегодня говорим, введены не могут быть. И я думаю, что здесь все сторонники того, что дети вступили в итоговый год на тех правилах, которые они понимают, и эти правила в течение года меняться не должны. И в этой связи, конечно же, наше обсуждение – это лишь такой старт профессиональной дискуссии. Я уверена, что площадки профессиональных дискуссий могут выйти далеко за пределы исполнительной власти. И это хорошо уже тем, что (я это знаю) исполнительная власть сегодня ориентируется именно на мнение профессионально-экспертного сообщества.

В связи с тем, что все-таки хотелось бы наше обсуждение вернуть в рамки общественно-политического обсуждения, и, скажем так, цепляясь за одну фразу, которая была у Маргариты Игоревны, которая вызвала такой резонанс, – ЕГЭ как процедура с человеческим лицом (я знаю, что среди наших коллег очень многие спорят с такой оценкой единого государственного экзамена), или с точки зрения того, что с не очень человеческим, я думаю, что обсуждение будет очень неполноценным, если не предоставить слово Олегу Николаевичу Смолину, который много лет последовательно, очень вдумчиво, критично относится к единому государственному экзамену, и многие его замечания ложатся в основу тех изменений, которые проходят в отношении единого государственного экзамена.

Пожалуйста, Олег Николаевич.

О.Н. СМОЛИН

Уважаемая Любовь Николаевна, спасибо за предоставленное слово.

Уважаемые коллеги, я хочу начать с того, что, на мой взгляд, в политических и образовательных элитах отношение к ЕГЭ меняется в нужную сторону, но крайне медленно. Пару лет назад на заседании Комиссии при Президенте по совершенствованию проведения ЕГЭ в ответ на мои критические замечания уважаемый Ефим Лазаревич Рачевский сказал: "Не трогайте ЕГЭ, люди только к нему привыкли". Я вынужден был отреагировать: "Человек ко всему привыкает, даже в петле. Ничего, сначала подергается, потом привыкает". Этим летом уважаемый Ефим Лазаревич имел со мной публичную дискуссию и тоже признавал, что кое-что в ЕГЭ нужно менять. Это радует.

Почему? Потому что, с моей точки зрения, очень многие надежды, связанные с единым государственным экзаменом в его современной форме, я это подчеркиваю, не оправдались. А там, где оправдались, медаль, как часто бывает в жизни, оказалась с стороны, или (что то же самое) палка о двух концах.

Каковы реальные последствия единого госэкзамена?

Первое последствие – позитивное, оно очевидно, – это повышение академической мобильности. Все об этом много раз говорили. Повторяться не буду. Мне, как депутату, пять раз избравшемуся от провинции, нужно это приветствовать. Я бы это делал, если бы не обратная сторона медали. Здесь, в Совете Федерации, я слышал на заседании комитета от одного из наших коллег данные опроса по Иркутску, когда две трети ребят заявили, что они хотят лучше сдать ЕГЭ, чтобы навсегда покинуть свой край.

Ситуация тревожит интеллигенцию в регионах, в особенности в сибирских регионах. Причем большинство родителей их в этом поддерживают. Но Москва – это не последний пункт, куда стремятся наши дети. Согласно данным "Левада-центра", соответственно, 45 процентов российских студентов хотели бы работать и жить не в России, а в другой стране. 45! Это катастрофа, конечно. И согласно оценкам Сергея Степашина, 1 250 тысяч наших граждан в последние годы уже

покинули Россию. Я понимаю, что ЕГЭ здесь – дело десятое, но тем не менее он объективно способствует, как выясняется, и этому процессу. Москва оказывается перевалочной базой. В ответ на эту реплику в Госдуме мне мой уважаемый руководитель Вячеслав Алексеевич Никонов заметил, что, вообще-то, крепостное право мы 150 лет назад отменили, а у меня в памяти всплыла известная грустная шутка Евгения Ямбурга: "Как быстро бежит время! Всего 150 лет назад отменили крепостное право, а теперь уже и право вообще".

Какие другие последствия можно связывать с проблемами ЕГЭ? Проблема объективности. Напомню, коллеги, Рособрнадзор в точном соответствии со своей надзорной функцией выборочно проверил полторы тысячи работ в проблемных регионах, преимущественно южных, и не только, кстати сказать, национальных, но и русских, и пришел к выводу, что в 77 процентах проверенных работ результат завышен. Можно ли говорить о том, что такой результат объективен? Судите сами.

Вторая проблема – перегрузки. Да, физические перегрузки уменьшились, но, соответственно, насколько уменьшились или увеличились психологические – это вопрос, по которому дискутируют не только в нашей стране, но и в других странах. В частности, я знаю о такой дискуссии в Южной Корее.

Третье – творческие способности. Недавно я прочитал высказывания моего регулярного оппонента Ярослава Кузьмина, которые мне слегка напомнили мои собственные речи 2001 года, когда запускался эксперимент по ЕГЭ, о том, что и грамотность неправильно формируют, и литературные навыки не так формируются, и так далее, и так далее.

Хочу сказать больше. В академии образования на общем собрании один из разработчиков новых стандартов Виталий Владимирович Рубцов высказывал претензии по поводу того, что, по его мнению, тестоподобные задания противоречат установкам новых стандартов на деятельностный подход и на развитие творческих способностей. Я разделяю это беспокойство, тем более что культура устной речи, художественного чтения и так далее, явно пошла вниз с применением этой методики.

Четвертое – воспитательные последствия. Уважаемые коллеги, с моей точки зрения, самое мощное средство воспитания в российской школе – это литература, следом где-то – история, может быть, отчасти – обществознание, и вот, извините, натаскивание на выполнение тестоподобных заданий, оно во многом, соответственно, губит воспитательную функцию нашей школы.

Я недавно попал на телевидение вместе с замечательными девочками, 11-классницами, в одном из сибирских городов (явно почти медалистки). Спрашиваю: "Девчата, а кому принадлежит знаменитая фраза: "Служить бы рад – прислуживаться тошно", которая должна быть лозунгом всех российских государственных служащих?" Тишина. "Девчата, а кому принадлежат строки: "Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед?" Тишина. "Ребята, а кому принадлежат известные строки, прославляющие классику:

"Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,
Солнце, сожги настоящее,
Во имя грядущего,
Да помилуй прошедшее"?
Тишина.

Я считаю, что, конечно, о настоящей литературе, которая не учебный предмет, а воспитание души, здесь говорить трудно.

Пятое – коррупция. Я не эксперт. МВД утверждает, что, соответственно, примерно в полтора раза повысился уровень коррупции с переходом ЕГЭ в штатный режим.

Шестое – оценка регионов и школ по результатам ЕГЭ. Про регионы говорили, но ведь у нас и школы оцениваются как лучшие именно по результатам ЕГЭ. А правда ли, что школа, лучшая по результатам ЕГЭ, вообще лучшая? И что считать главным: результаты ЕГЭ или, например, отсутствие наркомании, участия в преступлениях и тому подобное?

Дети без аттестата. Я приветствую решение комитета о том, что нам надо подумать об аттестате с неудовлетворительными оценками, но семь лет назад за такое же предложение Андрей Александрович Фурсенко назвал меня радикалом. Если теперь это становится уже как-то принятой позицией, можно только радоваться.

Я уже не говорю про мониторинг, который оценивается по результатам единого государственного экзамена во многом, что мне кажется, абсолютно неприемлемым: чем больше завышены результаты ЕГЭ в регионе, тем лучше там оказываются ВУЗы. Коллеги, это странно.

Мы предложили законопроект, которым пытаемся поменять ни технологии, ни контроль, ни наблюдателей, ни глушилки, – мы предложили законопроект, которым пытаемся поменять идеологию. Экзамен, с нашей точки зрения, должен превратиться не в мучительное испытание, а в подобие творческого конкурса. Как известно, стимулы лучше наказаний.

Три основных позиции этого законопроекта (он внесен в Государственную Думу): выбор технологий ЕГЭ, отказ от тестоподобных заданий. Мы предлагаем, кстати, сохранить независимую оценку знаний, независимо от того, по какой технологии ребенок будет сдавать этот самый экзамен. Хочу заметить, что в большинстве развитых стран ВУЗы сами выбирают себе детей нередко до всякого национального тестирования (у нас нечто подобное было прежде), буквально гоняются за творческими ребятами. У нас ситуация другая.

Второй пункт. Устный экзамен или устная часть экзамена по гуманитарным предметам. Насколько я понимаю, эта идея теперь в какой-то форме была поддержана и министром, и моим руководителем Вячеславом Никоновым.

Не буду, уже нет времени, подробно анализировать, скажу об одном. Опыт устного экзамена, называемого "говорение", по иностранному языку показал много недостатков, но все мои коллеги из Российской академии образования, которые присутствовали при этом, говорили, что это по-другому готовящиеся дети. То есть в принципе идея правильная и технология должна отрабатываться.

И третье. Мы предлагаем вернуть обязательную литературу в российскую школу как самое мощное средство нравственного воспитания. Ту же идею высказал мой непосредственный руководитель. Мы считаем, что воспитывающая роль литературы несовместима с современной технологией ЕГЭ. Но мы идем дальше, мы предлагаем на выбор: либо сочинение, либо устный экзамен. Мы хотим, чтобы ребенку дали возможность в процессе экзамена показать лучшее, на что он способен.

Завершая, я хочу вспомнить известные строки Александра Дольского, который говорил примерно так: "Чтобы судьбу, как задачу, решить, мало постигнуть азы мироздания: есть еще образование души – самое высшее образование". Мне кажется, нужно реформировать ЕГЭ, приговорить его к высшей мере реформирования, для того чтобы вернуть это самое высшее образование в нашу школу. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Олег Николаевич, за Ваши всегда очень волнительные, эмоциональные выступления.

Я бы хотела обратиться к нашим экспертам. Скажите, в тех выступлениях, которые прозвучали, нашло ли что-то отражение в вашей позиции, в вашем контексте?

Линара, может быть, поделитесь с нами впечатлениями о нашей дискуссии, что находит отклик, что – нет?

Л.Р. САМЕДИНОВА

Очень много идей, интересных идей. Конечно, насчет творчества я, как студентка, руками и ногами поддерживаю эту идею, потому что ребята приходят сейчас, абитуриенты, первокурсники... они просто натасканы на этих тестах. Копнешь чуть-чуть глубже... Мы устраиваем постоянные дебаты. Наша воспитательная работа показывает, что ребята совершенно не умеют мыслить, они совершенно не читают, они готовятся только к тем предметам, которые будут

сдавать. И полностью вообще уровень образования снизился, в прямом смысле слова, по-другому сказать не могу.

Хотелось бы еще сказать, что нужно работать с преподавателями и директорами школ, дабы дать спокойную, адекватную, здоровую информацию о ЕГЭ, а не загонять их в рамки, запугивать очередными рейтингами, школами, металлоискателями. Потому что преподаватели находятся под таким небольшим давлением руководства, своих директоров, которые находятся под давлением высших властей, и получается, что к детям приходит только негатив, их запугивают с 1 сентября, наверное, еще с 1-го класса или 2-го класса. И ребята просто-напросто боятся, волнуются, и у них сразу же получается неадекватная оценка единого государственного экзамена. Естественно, это накладывает дополнительные волнения для ребят на самом экзамене. И что родители считают, что это просто страх и ничего хорошего там нет, что дети.

При этом вопрос апелляции еще тоже... Я сама была школьницей, была абитуриентом, и нам в прямом смысле слова преподаватели в школе запрещали подавать на апелляцию, говорили: "Вот представьте, сейчас поедете подавать на апелляцию, там будет сидеть комиссия из 50 человек, профессионалов. Ты школьница, одиннадцатиклассница, которая приехала сказать, что они неправильно проверили твою работу. Ты будешь там одна, никто там тебе помогать не будет, там на тебя будут смотреть как на человека, который приехал критиковать работу профессионалов. И подумай, будет ли смысл от твоей работы или нет? При этом ты школу подставишь..." Короче, я думаю, вы меня поняли.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Линара.

Вот такой взгляд на то, что мы обсуждаем, тоже существует.

Олег Николаевич, спасибо большое за участие.

Уважаемые коллеги, у нас у единого государственного экзамена два лица – дать аттестат в школе и поступить в вуз. Мы смотрим с точки зрения того, что происходит в школе, я бы хотела начать с части, которая связана с вузом. Это не означает, что то, что в школе, мы как бы закроем.

Я бы хотела попросить, Виктор Владимирович, Ваше выступление по поводу... вернее, повод Вы сами себе определите, безусловно, но Ваша точка зрения, ректора Московского государственного юридического университета имени Кутафина... тем более что все правовые основы того, что мы делаем, знания по этому поводу закладываются у вас. И все, кто к нам приходит, в основном из этой высшей школы, из этой альма-матер...

Пожалуйста, Виктор Владимирович.

В.В. БЛАЖЕЕВ

Спасибо, Любовь Николаевна, за предоставленное слово.

Уважаемые коллеги, мы сегодня обсуждаем действительно очень важный вопрос, связанный с ЕГЭ. И очень важно, что мы обсуждаем эту проблему комплексно. Здесь представлены практически все заинтересованные лица.

И, собственно, я как бы представляю, с одной стороны, потребителя, поскольку тот человек, который сдал ЕГЭ, приходит к нам в качестве абитуриента. Это первое.

Второй момент. Мы на протяжении уже длительного периода времени, кроме, собственно, результатов ЕГЭ, еще используем и дополнительный экзамен в качестве вступительного, как вуз, в котором достаточно высокий конкурс при поступлении. В этом году средний балл – это 83 балла из 100. Поэтому здесь тоже очень интересно наблюдать, когда ты имеешь возможность фактически оценить результаты ЕГЭ, хотя понятно, что не в целом, по одной дисциплине – по обществу, но тем не менее это дает возможность в общем-то представить. Потому что я встречаюсь и говорю с коллегами, и некоторые коллеги, конечно, лишены этой возможности. И бывают патовые ситуации, когда абитуриент пишет заявление, в котором несколько десятков ошибок, а в итоге у него стоит очень

высокий балл по русскому языку. Поэтому мы имеем возможность в какой-то степени дополнительного контроля.

И я, конечно, ловил себя на мысли, что большинство абитуриентов подтверждают свой высокий достаточно балл, который они получают. Я себе задавал вопрос: "А зачем мы тогда проводим дополнительный экзамен, если они подтверждают?" Дело в том, что есть большая часть абитуриентов, которые, имея хороший балл, достаточно, с моей точки зрения, высокий, просто не приходят на этот дополнительный экзамен. Я так понимаю, что, конечно, нельзя жестко увязывать только с тем, что они не имеют достаточно объективного результата по ЕГЭ, потому что там есть разные причины (они могут уходить в разные вузы, другие вузы), но тем не менее здесь, наверное, в общем-то, тоже есть доля тех абитуриентов, у которых недостаточно объективная оценка по ЕГЭ. И поэтому я согласен с Сергеем Сергеевичем, конечно, нужно усиливать и контрольные, процедурные моменты, хотя понятно, что тотально здесь невозможно все отрегулировать и проконтролировать, особенно в таких масштабах, здесь нужно принимать и другие меры.

Здесь много моментов, о которых я хотел сказать, уже прозвучали.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Мы не будем повторяться, Виктор Владимирович, чтобы сэкономить время.

В.В. БЛАЖЕЕВ

Я единственное, может быть, обращаю внимание на два момента. Как, собственно, вуз, который относит себя к гуманитарным вузам, для нас очень важно, чтобы приходил студент, который не просто выбирал из предлагаемых решений одно, но и сам создавал, сам принимал это решение, анализируя те или иные обстоятельства. Ну, вы понимаете, как это важно в юриспруденции.

И я поддерживаю тех коллег, в частности, депутатов Государственной Думы, которые высказывали ту идею, что необходим, наверное, все-таки и устный экзамен, необходимо, в общем-то... здесь нужны (вот для юриста это очень важно) и умение хорошо излагать, и в то же время умение хорошо говорить.

И еще на один момент я бы обратил внимание – мобильность. Вот правильно Олег Николаевич говорил, действительно, изменилась мобильность, я по своему вузу просто это знаю. Если, допустим, у нас было соотношение 30–70 процентов, то есть 30 процентов – было иногородних, а 70 процентов – было москвичей, то сейчас это ровно наоборот.

Наверное, это связано с тем, что имеют ребята возможность приезжать и учиться, получая высокий балл. Правда, здесь есть еще один момент. Он связан с тем, что в Москве это более жестко контролируемые процедуры, и у ребят-москвичей баллы достаточно не очень высокие. Мы сталкиваемся, Любовь Николаевна, с этой проблемой, она существует. И мы разговаривали с Калиной Исааком Иосифовичем по этой проблеме, эта проблема существует.

И последняя мысль. Мне кажется, что все-таки ЕГЭ – это действительно должен быть такой выпускной экзамен по этим двум дисциплинам или нужно, наверное, добавить еще дисциплины, возможно, но все-таки и на этапе поступления в вуз должен быть тоже какой-то дополнительный экзамен, должны быть дополнительные вступительные испытания.

Вуз тоже должен иметь на базе того накопленного опыта возможность отобрать. Это обычная практика, в том числе и зарубежная практика, и здесь коллеги приводили эти примеры. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Виктор Владимирович.

У нас сегодня достаточно широко представлен ректорский корпус. Коллеги, есть ли у кого-то что-то добавить по этой тематике, не повторяясь?

Анатолий Николаевич Геращенко, ректор известного Московского авиационного института, есть что-то добавить? Но чтобы не повторяться.

А.Н. ГЕРАЩЕНКО

Любовь Николаевна, я не буду повторяться. Я приведу два примера.

Первый пример. Мы доучиваем 95 процентов. Нам в вуз необходима физика, третий экзамен, и мы практически доучиваем школьников на первом курсе, чтобы они могли дальше у нас учиться.

Второй пример. Я был на МАКС-2013, и меня в павильон пригласили, должен был премьер Дмитрий Анатольевич Медведев посетить авиамоделистов, ракетомоделистов. Когда я начал с ребятами беседовать... Там были уникальные вещи, сделанные учениками с 5-го по 11 класс, но их было немного. Я спросил: "А как у вас с физикой в школе?" Они отвечают: "Никак". Я говорю: "А как же вы всё это сделали?" – "А мама наняла..." Понимаете?

Президент сказал, что Россия должна быть наукоемкой, высокотехнологичной страной, инновационной, но основа – технари. Может быть, каждый свое расхваливает, но это так. Я уже, наверное, надоел и раздражаю руководство, но необходимо ввести обязательный экзамен по физике, нельзя без этого.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Анатолий Николаевич.

А.Н. ГЕРАЩЕНКО

Тот процент, который отражен здесь, показывает, что сдают очень мало. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Понятно. Не будем сейчас вдаваться в историю. Были такие опыт, практика. Услышали точку зрения.

Людмила Леонидовна, Вы нам добавьте что-то из того, что есть? Ректор Ставропольского государственного педагогического института.

Л.Л. РЕДЬКО

Спасибо большое, Любовь Николаевна, за предоставленное слово, потому что для Кавказа внимание к этой территории очень важно, тем более что этим летом мы прославились как никогда. И мне хотелось бы несколько сместить акценты в обсуждаемой теме.

Сегодня мы говорим о том, что будем продолжать совершенствовать алгоритмы и технологии проведения ЕГЭ, и как-то всё-таки (хотя я поддерживаю всех, кто выступал) за этим идет целеполагание и смыслообразование самой темы.

В этом году на Кавказе, в частности в Ставропольском крае... а у нас территория такая, что в ней в кислотной концентрации проявляется всё то... как негативное, так и положительное, характерное для всей России. И то, что мы привлекали внимание на протяжении всего лета, тоже неслучайно. Это особая территория, и особым вниманием пользуется. Поэтому, мне представляется, будет честно и справедливо, если мы акценты всё-таки расставим так, как они нам видятся с мест.

Небывалые были предприняты по затратам и по привлечению ресурсов меры, чтобы на нашей территории (в Северо-Кавказском округе в целом и в частности в Ставропольском крае) не были допущены недостатки. Были организованы группы и в прокуратуре, и в МВД, и в ФСБ, и в ДПС, которые сопровождали детей, доставляли материалы и так далее, было подготовлено огромное количество наблюдателей, прошедших переподготовку. Была проведена огромная пропаганда после того совещания в Чечне, на котором мы с вами были, когда Рамзан Кадыров сказал, что руководителю республики, которая сумела справиться со многими проблемами, сразу скажу... что автоматчика мы поставим в каждый класс, если будут гарантии, что это улучшит качество обучения и упразднит, устраним все нарушения. Вы знаете, были и видеокамеры, в общем, всё, что можно было сделать, было сделано. Результат был тот, с которым нас ознакомила пресса.

Именно поэтому мне представляется, что до тех пор, пока мы будем говорить о том, что надо чуть-чуть что-то исправить и ситуация изменится, мы её не изменим. Есть серьёзные основополагающие вещи, которые не предполагают своего продолжения даже при реформировании.

И отсюда самый главный вопрос здесь – все-таки качество, ради которого ЕГЭ был задуман.

Мы все с вами прекрасно понимаем: качество, борьба за настоящее качество начинаются не с процедуры оценки, а с процедуры обеспечения создания продукта. И здесь условия и кадры – это главная задача.

Мне представляется, что нам надо говорить сегодня о том, что Правительство, очевидно, дает нам сигнал, что мы сегодня должны придерживаться взвешенного, консервативного политического курса. Если это действительно так, то тогда реальная оценка ситуации должна лежать в основе этого курса, в противном случае мы на следующий год будем опять обсуждать, что можно сделать, улучшая эти технологии.

Первая и самая больная проблема – кадры. Сегодня ЕГЭ обеспечивают те кадры, которые во многом были подготовлены давным-давно. Способны ли они соответствовать поставленным перед ними целям? Готовы ли они соответствовать? Есть ли у нас государственная программа по переподготовке кадров? Эти вопросы повисают в воздухе, потому что мы над этим работаем, но бессистемно, хаотично, и, называется, "бьем по хвостам".

Вторая тема – условия, в которых у нас проходит ЕГЭ. Я согласна со всеми выступающими до меня: наши дети перестали вообще посещать те предметы в школе, которые они не выбрали для сдачи. Они посещают русский, литературу и предмет по выбору. Учителя невыбранных предметов находятся, мягко говоря, ну, просто в жалкой ситуации.

Следующая тема. Мы считаем нормальным, когда 20 процентов заданий ребенок решил (20 процентов!) и получил аттестат. Мы считаем приемлемым, когда у нас ситуация таким образом характеризуется, что все средства хороши, лишь бы ребенок поступил в этом году в вуз. Все средства хороши. Никому не стыдно ни за какие усилия – моральные, аморальные, эта тема вообще не рассматривается. Мне представляется, что до тех пор, пока мы не сделаем стыдным обман тотальный, у нас ничего не получится. А для того, чтобы было

стыдно обманывать, нужно поднимать престиж реального знания. Это можно сделать только принципиально иной работой с педагогами и иной структурой функционирования школы.

И что бы мы хотели предложить для того, чтобы этот разговор не остался очередным продолжением обсуждения всем известных проблем. Почему мы не можем действительно решить ситуацию таким образом, чтобы КИМы были доступны на протяжении всего года? Почему мы не можем сделать так, чтобы на каждый субъект Федерации шел свой набор тестовых заданий? Вот у нас 83 субъекта – 83 варианта заданий. Тогда не будет смысла перезваниваться, переговариваться. И дальше: если ребенок сумел освоить все, там, 16 тысяч КИМов, 16 тысяч вариантов заданий – да ради бога! Мне представляется, что и доступность КИМов, и индивидуальность для каждой республики заданий, и свобода пересдачи этого экзамена за собственные деньги в независимом центре должны быть априори нормой. Ведь если он сумеет, взяв репетиторов, до окончания даты набора в вузы, занимаясь день и ночь, пересдать какой-то экзамен, это же гораздо предпочтительнее, чем через год или через три года снова покупать услуги репетиторов по трем предметам. И когда у нас люди перестанут бояться, может быть, тогда исчезнет опасность, что через несколько лет люди с проблесковой интеллигентностью и будут характеризовать не просто народ России, а класс носителей власти, который и определяет перспективы и судьбу этого народа. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Людмила Леонидовна. Справочно в связи с Вашим выступлением.

Во-первых, я бы хотела отметить, что именно тот опыт Чеченской Республики, который есть в практике, по поводу объективности результатов позволил сделать Рособрнадзору шаг, и министр образования Чеченской Республики (Анзор Ахмедович, не уходите!) стал заместителем руководителя Рособрнадзора, который ведет на данный момент эти процедуры.

Я считаю, что это очень удачное решение с точки зрения того, о чем Вы сказали, мы, безусловно, обсуждали. Но Вы абсолютно правы: ресурс повышения контроля и надзора, его усиления, он на самом деле находится уже на пределе. И, безусловно, мы в поисках других мотиваций, чтобы не было нечестного. И в этом контексте, конечно же, Ваши замечания, связанные в том числе и с контрольно-измерительными материалами...

Справочно. Здесь у нас присутствует Решетникова Оксана Александровна, руководитель Федерального института педагогических измерений. Я надеюсь, что Оксана Александровна как раз именно с профессиональной точки зрения слушает все наши высказывания. Я хочу сказать, что они все, коллеги, не повисают в воздухе, они попадают в рамках наших слушаний к тем адресатам, которых мы специально пригласили сюда, чтобы выслушали они, какова направленность рассуждений в связи с теми проблемами и темами, которые есть в этом предмете.

Я бы, коллеги, сейчас...

Алексей Львович, я Вам попозже... Хотя Вы у нас тоже представитель ректорского сообщества, но совсем недавно Вы все-таки наш егэшник, я бы сказала так, и поэтому мы все-таки в профессиональном блоке хотели бы построить с Вами рассуждения.

А вот сейчас я бы хотела отметить, что сама по себе тема, что такое результат единого государственного экзамена, что это такое для страны, для общества, для родителей, для детей, для разных групп специалистов... В этом смысле не первый год проводятся исследования. Владимир Самуилович Собкин является автором такого рода исследований. И мне кажется очень важным в контексте нашего обсуждения понять, что такое для страны единый государственный экзамен в рамках тех исследований, которые он ведет.

Пожалуйста, Владимир Самуилович.

В.С. СОБКИН

Спасибо большое за приглашение, это большая честь для института, которым я руковожу, – это Институт социологии образования Российской академии образования.

Мы действительно проводим различные исследования, и вот одно из них было связано тогда с выходом в штатный режим ЕГЭ. И мы проанализировали данные с точки зрения социальных каких-то индикаторов, которые можно привязать к результатам ЕГЭ, если принять, что он, ну, хоть в какой-то степени объективно меряет качество образования. Если принять это допущение, то у нас, получается, очень существенные различия между успешностью мальчиков и девочек. Показатели по ЕГЭ по всем предметам у девочек существенно выше, чем у мальчиков. Отсюда, значит, должен быть вроде бы какой-то ход, связанный с управлением в системе образования, который предполагает... Вот нащупав эту проблему неравенства... А я рассматриваю это, как социолог, как проблему гендерного неравенства, и с точки зрения мужчины, – гендерного неравенства в доступе к качественному образованию у мальчиков в общеобразовательной школе. Первый момент.

Теперь если мы возьмем школы, расположенные в разных регионах: сельские, города малые, крупнее и крупнее, – различия статистически значимые. Это свидетельствует о том, что у нас региональное неравенство в качестве доступа к образованию. И здесь тоже хотелось бы услышать от министерства, что оно берет этот результат ЕГЭ, на который затрачены огромные суммы денег, и из этого выстраивает некоторую стратегию, связанную с устранением регионального неравенства в доступе к получению качественного образования.

Если мы берем школы – гимназии, общеобразовательные школы, тогда были и вечерние, и так далее, – вечерние вообще уходили за грань уровня.. очень низкий показатель. Но мы всем даем аттестат, свидетельство о качестве образования. Но тогда надо принимать волевое усилие политическое, что такое сегодня система вечернего образования, если она дает, эта система, такие низкие результаты.

С другой стороны, если мы берем социальный состав детей и семей, которые посещают гимназии и лицеи... Я за дифференциацию образования, но, с другой стороны, мы понимаем, что там другие социальные группы и социальные страты. И мы тогда должны отдавать себе отчет, что это усиливает систему социального неравенства в доступе к качественному образованию. Поэтому не просто сама по себе ситуация дифференцированных институтов (школы общеобразовательные, гимназии и так далее), это как раз очень важный момент, но как туда рекрутируются представители разных социальных слоев. А у нас они рекрутируются по социально-сертификационным параметрам.

Там другие социальные группы. И тогда возникает вопрос очень серьезный – доступности к качественному образованию представителей слабых социальных стратов. Это серьезнейший вопрос.

Мне кажется, эти примеры важны. Но есть и другие. Безусловно, надо посмотреть на учительский корпус, как он относится и принимает ситуацию введения ЕГЭ. Где самое негативное отношение к единому государственному экзамену? Среди корпуса учителей, которые работают по авторским программам.

Значит, мы сделали фантастическую ошибку в стратегии введения ЕГЭ, не сориентировавшись на образовательную элиту, которая работает в системе образования, не показав, что она может быть включена в единый государственный экзамен, что это для нее важное средство. Вот это, мне кажется, очень серьезный момент, когда надо смотреть на учительство не вообще, как учителя относятся к ЕГЭ, а как они относятся и видят. Потому что если мы возьмем, например, другой индикатор – учителя с низким разрядом и с высоким разрядом, учителя с высоким разрядом сориентированы критикой, что ЕГЭ необъективен как индикатор для поступления в ВУЗ. А учителя с низким – что он необъективен как оценка усвоения программ. Вот эти две функции, которые вы зафиксировали в ЕГЭ, которые очевидны, как вступительные экзамены и оценка, – оно и расслаивается в самом педагогическом корпусе.

Я хотел бы еще сказать. Помимо ЕГЭ важно сделать некоторый шаг в основную школу и в начальную. А вот без ЕГЭ. Давайте возьмем оценки: тройка, четверка, пятерка. У нас было большое исследование, более 3000 школьников основной школы в Москве мы опрашивали. В пятом классе – количество хорошистов и отличников большое, троечников мало. А в девятом классе картина поменялась на противоположную. Доминируют более 60 процентов троечников, четверочников становится меньше гораздо – около трети, и совсем мало отличников. А о чем это говорит? А почему так происходит? В системе основной школы, даже если брать обычный критерий – школьную оценку – и если суммировать по многим предметам, почему снижается так стремительно качество школьной оценки? Это свидетельствует о том, что мы на этапе основной школы имеем серьезнейшую проблему деформации учебной деятельности, когда школьник теряет интерес, теряет, собственно, свою субъектность отношения к учебе. И это принципиально важная штука – сделать шаг назад и посмотреть, а что без ЕГЭ, что там происходит.

А теперь... мы задавали вопрос ученикам: "Как учителя оценивают твои знания – объективно или не объективно?" Что отвечает троечник? Он говорит: "Необъективно". А что отвечает отличник? – "Объективно". Вроде бы защитная реакция. Плохо учится, поэтому его необъективно оценивают. Но, с другой стороны, если он говорит, что необъективно, значит, мы теряем в педагогической практике какое-то отношение с учеником, плохо успевающим, что он не понимает, почему его так оценивают. Он не воспринимает эту оценку с позиции учителя как оценку объективную. Он воспринимает ее как произвол.

Здесь, мне кажется, не спасет введение ЕГЭ или каких-то таких инструментов в основную школу. И мы будем твердить ученику, что мы тебя объективно оцениваем. Возникают какие-то кардинальные вопросы, связанные с тем, что Вы говорили, – с совестью. И неоднократно этот термин здесь звучал, и это слово, очень важное для педагогики и для образования. Жалко, Смолин ушел. Он это слово любит.

Это очень важный момент этих отношений. Когда я беру и опрашиваю тысячи школьников: "Имеешь ли ты возможность критически высказывать свою точку зрения на уроке?" – что отвечает троечник? – "Нет".

Л.Н. ГЛЕБОВА

Владимир Самуилович, регламент.

В.С. СОБКИН

Я заканчиваю.

А что отвечает отличник? – "Да".

И вот это, мне кажется, очень серьезная система социальных отношений в учебной деятельности, которая является корневой, если мы хотим увеличить и усилить качество нашего образования. Спасибо большое.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Владимир Самуилович, спасибо большое.

Я бы хотела проинформировать наших коллег о том, что в рамках следующего заседания президиума Российской академии образования, в рамках подготовки наших новых планов в связи с избранием нового президента Российской академии образования мы выносим вопрос исследований, фундаментальных исследований по основаниям развития системы оценки качества (мы внесли это предложение с Владимиром Дмитриевичем Шадриковым) как одно из исследований Российской академии образования. Я думаю, Людмила Михайловна нас поддержит как человек, который ведет в министерстве тему научных исследований. И Ваше выступление как раз предполагает, что эту часть профессиональной дискуссии мы перенесем в Российскую академию образования, и у нас будут сформированы все же ожидания, что наука заинтересуется теми проблемами, которые есть в жизни практиков, и Российская академия образования перестанет жить отдельной жизнью, а образование – отдельной жизнью.

Спасибо, Владимир Самуилович, за Ваше...

В.С. СОБКИН

Спасибо вам большое за эту инициативу.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Мы 20 ноября на заседании президиума это уже рассмотрим, и я надеюсь, что Алексей Львович тоже поддержит. У нас неслучайно сегодня представители Российской академии образования были... ушел, да?

Поэтому спасибо большое, Владимир Самуилович.

Я бы хотела вот эту тему, связанную с тем... исследования результатов образования могут рассказать о многом. Владимир Самуилович рассказал об этой стороне. Мы также проводим уже несколько лет исследования результатов, статистических результатов единого государственного экзамена с точки зрения подтверждения или опровержения тех гипотез, которые рождаются по поводу единого государственного экзамена. Вот говорят: все списывали или не все списывали? Все двоечники стали отличниками или не все двоечники? Все республики Северного Кавказа списали или не все списали, или половина?

Вот у нас здесь сегодня присутствует Иван Валерьевич Яценко, который является руководителем той группы, которая занимается исследованием этих вопросов именно математическими способами. В рамках федеральной целевой программы развития образования министерство выделило средства на эту работу. Мы бы очень хотели, чтобы эта работа была продолжена в дальнейшем.

Пожалуйста, Иван Валерьевич, рассказывайте нам, о чем же на самом деле?.. Что же правда в тех оценках?

Анатолий Николаевич, мы сейчас будем на вузы немножечко агрессивны... а то не слушают наших ученых и наших аналитиков.

Спасибо, Владимир Самуилович. Я думаю, что мы продолжим наш разговор.

Пожалуйста, Иван Валерьевич.

И.В. ЯЦЕНКО

Спасибо, Любовь Николаевна.

Из того анализа, который ведется уже в течение трех лет, о чем докладывалось и на общественных площадках, и на профессиональных очень активно, я сейчас выберу несколько наиболее важных моментов, именно учитывая статус площадки, представляющих общественно-политический интерес.

Первое, что я бы хотел отметить, что действительно ЕГЭ является важной публичной процедурой, и в этом его большое достижение, потому что любую процедуру надо сравнивать не с абстрактной, идеально придуманной, а с реальной. Я тоже потрачу 10 секунд на свой личный пример. Я поступал на мехмат МГУ в 1985 году, я был победителем олимпиад, я легко писал экзамены на мехмат, но, например, чтобы поступить в финансовую академию или еще в какой-то экономический институт, мне потребовалась бы огромная специальная подготовка. И мои друзья, которые туда поступали, им требовалась огромная специальная подготовка с репетиторами. Не то, что там математика сложнее или еще что-то. Это просто показывает, что ситуация была совершенно другая, и люди, которые предлагают вернуть ситуацию всего спектра вузовских экзаменов... кончится ровно этим.

И я, кстати, хотел бы сказать еще одно в качестве ремарки, которая... перейду уже непосредственно к статистике. Очень интересно, что когда мы сравнивали с социологическими опросами по ожиданиям ребят, очень интересно, что те вузы, которых ребята боятся, потому что там тяжело учиться, там как раз нет своих экзаменов, и туда не идут с палеными баллами. Потому что вступительный экзамен, творческое испытание не как какое-то дополнительное измерение чего-то, чего ЕГЭ не измеряет, а как барьер – это на самом деле может быть легко заменено просто общественной информацией о том, что учиться... тебя выгонят в первую сессию с палеными баллами, и все, и ситуация уйдет. В физтех с палеными баллами не идут и в высшую школу экономики, кстати, тоже.

Перехожу к ситуации. Действительно, ЕГЭ – это зеркало, у него где-то кусочек отколот, где-то оно поцарапано, но по крайней мере он дает огромный объем статистических данных.

И если посмотреть не выборочные кейсы, которые иногда вылетают в прессу, и только что упоминалось: 77 процентов списанных работ и так далее, то оказывается, что на такой массовой процедуре она достаточно устойчива. И даже публично, массово обсуждаемая ситуация вбрасывания в Интернет огромного количества вариантов... Были опубликованы сдвиги баллов по сумме, скажем, трех предметов, что важно. Никакого катастрофического сдвига не произошло. Небольшой рост произошел. По каким-то предметам даже снижение, где-то вернулась ситуация позапрошлого года, кстати когда тоже были утечки. То есть имеется рабочая ситуация с общей погрешностью порядка 10 процентов. С одной стороны, это тысячи детей, с другой стороны – для такой массовой процедуры это ситуация управляемая и дающая возможность процедуру совершенствовать и ее использовать. ВУЗы прием провели.

И причем, что самое существенное, что какие-то нарушения во много сосредоточены в области средних баллов. И статистически мощные вещи не произошли в области, скажем, высокобалльников, хотя они, может быть, по штукам индивидуально или по каким-то регионам заметны, но какого-то катастрофического сдвига тоже не произвели. Это видно.

При этом, что достаточно существенно, стала явной и статистически заметной ситуация по качеству образования, а именно стало видно, что огромное количество ребят не осваивают не только программу 11 класса, но и программу 9 класса. И фактически уровень поступающих на многие инженерные специальности не дотягивает до уровня, еще раз подчеркну, 9 класса. Ребята поступают с недостаточными знаниями, и что самое существенное для школы – школа работает неэффективно в 10–11 классах, то есть просто тратятся зря: деньги, время детей, время учителей и так далее. То есть ЕГЭ многие вещи, про которые было известно экспертно, позволил посчитать и оценить количество. Например, 50 процентов детей не готовы к продолжению образования по математике и так далее.

Что же касается ЕГЭ, то еще раз. Почему на такой массовой процедуре можно оценить влияние разных факторов? И, по-прежнему, несмотря на обсуждение в прессе ситуаций с утечками в Интернет, ключевым фактором нечестности является пункт проведения. И это даже и экспертно очевидно. Чтобы мы ни делали на федеральном, региональном или каком-то уровне, если в пункте ребенку будут помогать, то, как ни пляши, ничего не произойдет. И наоборот, было очень хорошо заметно (коллега это упоминал), что те регионы, в которых были приняты особые меры, особо сильные, по обеспечению качества на пункте проведения, там и влияние статистическое утечек в Интернет было легко считаемым и минимальным. Потому что ребенок, который даже заранее, за день – за два, прочитал весь этот спектр вариантов, хотя там была куча ложных вариантов вброшена и так далее, если он математику или физику не знал, всё равно на экзамене его балл катастрофически не увеличится. Двоечник, не имея возможности достать на экзамене текст, на 90 баллов не напишет. И это тоже достаточно важно.

При этом очень существенный момент, который видно, он следующий. Если мы положим результаты ЕГЭ на демографическую ситуацию в регионах, то мы увидим абсолютно неравномерную по регионам ситуацию с выбором экзаменов. Мы видим, что имеется ситуация, при которой... Если мы просто будем рассматривать ЕГЭ как перепись населения. Просто выбор. Забудем про результаты. Вот ребенок пришел на экзамен. И мы видим ситуацию абсолютно неравномерную, и, по-видимому, этот фактор может быть одним из факторов оценки губернатора наряду с честностью. Насколько вообще в результате обучения, которое происходит... Тут я, кстати, против дополнительных обязательных экзаменов. Я считаю, что, если дети его не выбрали, значит, на то были причины. Значит, они не хотят идти в эту специальность, а это задача государства – обеспечить условия, обеспечить какие-то общественные вещи. Это тоже очень важный, принципиально важный политический момент и момент направления усилий. Мы находимся в открытой ситуации. Школа является

открытым сейчас механизмом, имеющим достаточно много ресурсов. И если будут правильно ставиться стимулы... И это тоже очень хорошо видно. И, в частности, при оценке школ с учетом ЕГЭ, как бы проблемно это ни было, стало видно... Когда мы проводили заседание "круглого стола" с участием директоров школ, по рейтингам – ведущих, было видно, что они на самом деле за честные и открытые правила игры. Одним из таких ярких принципиальных сторонников ЕГЭ является директор школы № 239 Максим Пратусевич. Это одна из ведущих математических школ России. Он говорит: "Если правила просты и понятны, я легко сделаю так, чтобы моим детям это не мешало, я буду творчество развивать как угодно, ЕГЭ они у меня всё равно сдадут. Мне главное – чтобы правила были просты и понятны".

Еще один очень важный момент ЕГЭ, который видно, – это прозрачность.

За счет того, что мы видим, что как только в ЕГЭ вбрасывается что-то, например, в ЕГЭ появилась геометрия... Мы за три года видим статистически огромный рост результатов по геометрии, а что самое главное (по опросам школьников) – геометрию стали учить. И получается, что если раньше геометрия формально была... и говорили: "Куда же вы дели устный экзамен по геометрии?" На самом деле его фактически не было. Он полностью изображался. По опросам 2010 года, который мы делали, 25 процентов школьников геометрию вообще не изучали, не помнили, когда она у них была, она заменялась алгеброй, и так далее.

И если раньше... Давайте не будем лукавить и вспомним, что эти самые 50 вариантов открытого сборника, по которому проводился раньше экзамен в 9-м классе, или 70... просто прореживались толстые тетрадки, а в открытом банке – тысячи заданий, десятки тысяч. Их уже проще, что называется, выучить. Поэтому ситуация такого роста содержательных результатов по модулю опять-таки даже с коррекцией на нечестность, она очень хорошо видна и очень хорошо показывает структурные проблемы в знаниях. Мы видим, и это как раз показал статистический ЕГЭ, что вместо решения задач (это не только по математике, но и по ряду других предметов), которые нужны, практических, понятных, люди натаскиваются на

формальные алгоритмы, никому не нужные. В три раза больше ошибок в ЕГЭ было допущено, я извиняюсь, на задаче – посчитать, сколько таблеток ребенку разварить в бутылочке, чем в логарифмическом уравнении.

Так вот, зачем нам нужно? Поэтому ЕГЭ это показывает. ЕГЭ как минимум для этого нужен. И можно, конечно, перейти от того, чтобы смотреться в зеркало, опираться на рассказы о том, как ты выглядишь, каких-то экспертов. Но мне кажется, зеркало в любой ситуации лучше. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Иван Валерьевич.

Справочно. Вводили геометрию, потому что заметили, что пространственные навыки перестали появляться у детей на выходе из школы, что означало, что они перестанут, обретя семью, обустривать свою квартиру. Мы увидели, что пространственное... Мы действительно вводили это как пример того, что анализ казался бы совершенно других сфер, связанных очень опосредованно с результатами ЕГЭ, дает нам вопросы для управленческих решений внутри образовательной системы и внутри системы педагогических измерений.

Но мы опять склоняемся скорее к профессиональной дискуссии. Это, наверное, неизбежно при том количестве профессионалов, которые сидят в этом зале. Но я бы хотела, чтобы нас опять немного поправили. И попросила бы Виктора Викторовича Панина выступить.

Виктор Викторович у нас человек известный. Он стоит на защите прав потребителей образовательных услуг. И с этой точки зрения известен как человек, который занимается развитием институтов общественного контроля, являясь и руководителем рабочей группы Правительственной комиссии по координации деятельности Открытого правительства по совершенствованию общественного контроля в Российской Федерации.

Мне бы очень хотелось, Виктор Викторович, чтобы Вы нам чуть-чуть рамочку... чтобы мы от профессионального к общественно-политическому контексту, чтобы был баланс в нашем обсуждении.

Хотя Вы уже стали профессионалом. Вы столько с нами дискутируете, что, боюсь, и Вас тоже в профессиональную направленность унесет. Пожалуйста.

В.В. ПАНИН

Спасибо, Любовь Николаевна.

Я бы хотел напомнить, кто не знает, что помимо того направления, о котором Любовь Николаевна сказала, я еще возглавляю Всероссийское общество защиты прав потребителей образовательных услуг. На сегодняшний день это у нас единственная организация, которая системно работает с проблемами непосредственно граждан на местах. Нам постоянно поступает очень много жалоб, в том числе связанных с проведением экзаменов, в частности единого государственного экзамена.

Мы с Любовью Николаевной в свое время сломали довольно много копий на этой теме.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Особенно друг на друге, Виктор Викторович.

В.В. ПАНИН

Совершенно верно. Ну, конечно. При всем при том, что мы понимаем прекрасно, что в любом случае делаем одно большое, общее дело. И с Кравцовым мы встречались не так давно, обсуждали, и с Анзором Ахмедовичем тоже проговаривали многое. Есть какое-то понимание, в каком направлении нужно двигаться. Но мне, наверное, в какой-то степени проще об этом говорить, потому что нет каких-то определенных рамок, нет каких-то должностных инструкций в этом отношении. Я очень много участвую в различных мероприятиях, которые обсуждаются и проводятся на различных площадках.

Совершенно недавно совместно с Федотовым, с Советом по правам человека, мы провели соответствующее мероприятие в Администрации

Президента, где обсуждали концепцию законопроекта об основах общественного контроля в Российской Федерации и концепцию развития форм и методов общественного контроля, которые подготовлены нашей рабочей группой правительственной комиссии. В рамках этой работы предполагается очень много изменений.

Кстати говоря, и Минтруд проводит сейчас определенную работу по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги. В этой работе участвуют все министерства абсолютно, которые относятся к социальным блокам: и Минздрав, и Минобрнауки наш родной, и другие министерства, Минкультуры, Минспорт и так далее. Очень много там споров рождается. Но я хочу свое сугубо субъективное мнение высказать, как хотите, Любовь Николаевна, – профессиональное или общественно-политическое и так далее.

Я убежден, что единый государственный экзамен в том виде, в котором он сейчас существует, он существовать не будет, это однозначно. Он уже сейчас трансформируется. И, безусловно, я убежден в том, что будущее за системой оценивания независимой, а именно общество будет само, безусловно, и мы приложим к этому все абсолютно усилия, если надо, жизнь положим, чтобы это было так, себя оценивать. Не может система сама себя оценивать. Я глубоко в этом, коллеги, убежден. Труд педагога должен быть оценен по результатам этого труда и прежде всего самими потребителями этой услуги, если мы говорим про услугу, если мы говорим про систему образования. И здесь, на мой взгляд, никаких у нас споров быть не может, их нет в принципе. Мы с кем ни общались на эту тему, и с руководителями Департамента образования города Москвы, коль мы вспоминали здесь Исаака Иосифовича, очень много он тоже возмущался, что в прошлом году, когда проводили единый государственный экзамен... Москва действительно объективно очень много сделала для осуществления контроля в пунктах приема ЕГЭ. Это безусловно. Но то, в каких неравных условиях оказались выпускники московских школ по сравнению с теми ребятами, которые поступали

из регионов, причем поступали во многом нечестно, во многом используя всевозможные способы обхода действующих норм и правил, понятно, что это не ведет к достижению общественного согласия, консенсуса, если хотите, к повышению уровня доверия. На мой взгляд, ключевым термином и ключевым вопросом в этой плоскости является именно доверие. Граждане не доверяют системе, они не доверяют государственному подходу в отношении реализации механизма единого государственного экзамена. И какие бы мы сейчас с вами механизмы, рецепты не придумывали, какие бы ухищрения не вводили, я всегда в таких случаях пользуюсь, может быть, не слишком такой культурологической формулировкой, но народным, если хотите, выражением: наше общество, народ всегда найдет на хитрый болт хитрую гайку. Поверьте, всегда найдет. И что бы и какие бы сейчас усилия нами в этом отношении ни предпринимались, я очень сильно сомневаюсь в том, что это приведет к какому-то серьезному, положительному результату. А вот развитие независимой системы оценки качества... Но вопрос: как мы будем это делать? Потому что на одном из заседаний в том же Минтруде были представлены результаты пилотных проектов реализации... например, в системе образования, что нам близко, в Пермском крае и в Башкирии. Каково было мое удивление, когда я посмотрел на состав экспертов, которые проводили ту самую независимую оценку качества образования... Это были учителя, это были директора школ и так далее. И на мой вопрос представители Министерства образования и науки и координаторов этой работы ничего вразумительного не смогли ответить, потому что, по сути дела, мы опять наступаем на те же самые грабли, на которые мы наступили при введении единого государственного экзамена. Кстати, эти цифры очень хорошо отражены в библиодосье, которое нам всем раздали. Мероприятия на странице 38 свежие, 2013 года исследования ВЦИОМ. Ухудшилось качество подготовки и знаний учащихся-школьников, натаскивают только на прохождение тестов. С таким мнением о едином госэкзамене согласны 62 процента респондентов. И всего 16 несогласных.

Ну и по реализации форм экзамена. Подчеркну, эти споры по поводу форм – традиционны, нетрадиционны, они бы все ушли в прошлое при условии того, что механизм этого контроля будет понятным для всех, доступным совершенно и объективным. И вот о чем говорил мой коллега по исследованиям, когда не согласны ребята, начиная с 5, 6, 7 класса, с результатами оценивания, это всё уходит корнями в эту проблему. Уровень доверия в нашем обществе, он, кстати, в разы уступает ведущим скандинавским, например, странам, с которыми мы сейчас очень часто сравниваем наше образование по качеству, например, PISA и прочие все вещи.

В 2007 и 2009 годах Высшая школа экономики проводила соответствующие исследования, и с утверждением "большинству людей можно доверять в России" согласилось всего 18 процентов опрошенных. В Дании эта цифра – 67 процентов, в Норвегии – 62, в Финляндии – 58, в Швеции – 56 и так далее. То есть мы друг другу-то не доверяем, понимаете? Это очень серьезная проблема, и, на мой взгляд, вот здесь нужно прилагать нам все усилия к тому, чтобы изменить положение вещей. Тогда и совесть начнет играть, и качество образования тогда станет повышаться вне зависимости от того, кто там чего придумал и ввел какой-то механизм. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Виктор Викторович.

Я тут не для восстановления как бы баланса между профессиональной... а как раз в силу того, что совершенно очевидно становится, что есть экспертная, общественная, политическая среда, которая оценивает некие результаты. И когда организаторы этого процесса пытаются сказать: "Нет-нет, не так, не так, мы сделали достаточно", – это встречает, безусловно, сопротивление тех, кто видит это так, как это вот видит. И поэтому каждая точка зрения, каждый взгляд на такое большое явление в нашей жизни, как единый государственный экзамен, оно оказалось очень большим, – он имеет право на жизнь и, безусловно, требует рассмотрения, но, с моей точки зрения, с позиции очень твердого разделения

между проблематикой и путями решения тех проблем, которые обозначаются в экспертной, в политической и в общественной среде.

Вот в этой связи мне бы очень хотелось дать слово Алексею Львовичу Семенову (еще раз говорю, не ограничивая, безусловно, в тематике выступления), но не только как ректору Московского педагогического государственного университета, каковым Алексей Львович у нас не очень давно стал, с чем мы его сегодня, наша аудитория, и поздравляем, а именно как человеку, который как профессионал очень долго в ЕГЭ в разных качествах: и организатора, и аналитика, и автора всего того, что связано с математикой как экзаменом, и тех продвинутых явлений в математике, которых нет в других предметах.

Алексей Львович, вот так я Вас представила, а Вы теперь выкручивайтесь, как хотите.

А.Л. СЕМЕНОВ

Спасибо.

Действительно, можно считать, что я не всегда патриот ЕГЭ, но патриарх. Я начинал, может быть, даже дольше, чем большинство присутствующих, – еще примерно в 2000 году, когда именно по инициативе Высшей школы экономики началось вот это движение за некоторую егэфикацию(?), которое сильно очень изменилось. И многие идеи, которые тогда мы выдвигали, которые на самом деле оказались малореальными, мы слышим вновь и вновь.

А с другой стороны, я хочу сказать, что сегодня, пожалуй, самое серьезное и содержательное обсуждение, хотя много обсуждений, например в Общественной палате, где мы были, тоже были высокого уровня и с точки зрения профессионализма, и с точки зрения гражданственности и государственных интересов. То есть уровень обсуждения этого года принципиально выше, чем то, чего мы достигали до этого. Это порождает некоторые серьезные надежды.

Был действительно впечатляющий, очень критичный доклад Сергея Сергеевича, я с удовольствием его выслушал, потому что четко был выделен ряд моментов, кроме ЕГЭ-туризма, о котором он забыл.

И спасибо большое Любви Николаевне, что она дает неограниченное время всем присутствующим.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Я стараюсь, но у меня рука не поднимается ограничивать.

А.Л. СЕМЕНОВ

Я уже пропустил пару других заседаний, и тем не менее хочу здесь досидеть до конца, именно потому, что это очень важно для меня и как для ректора сегодня тоже.

Я хотел бы здесь сказать, начав с очень короткой реплики по поводу... со стороны ректорского корпуса. Я неоднократно слышу о том, что "вот сейчас у нас ЕГЭ, к нам поступают слабые школьники, там, по математике и по физике, и мы их доучиваем". Я считаю, что к нам поступают те, кого мы берем, и доучивать нам нужно тех, кто к нам поступает. И в этом смысле тоже честность. Наверное, честно нужно сказать, что мы выбиваем себе цифры приема, потом на эти цифры приема принимаем детей, и теперь мы их действительно должны доучить до того уровня, который нам нужен, или выгнать с первого курса. Я считаю, что это абсолютно честная позиция, и надо ей следовать, и прекратить наконец то, что я слышу все последние десятилетия на каждом заседании совета ректоров, там, Москвы и Московской области, скажем, когда говорится: "К нам приходят слабые дети". Да, к нам приходят те дети, которых мы берем, и от ЕГЭ это мало зависит. И вообще, конечно, надо бы стараться отсекать те проблемы, которые возникли не благодаря ЕГЭ, это все-таки очень важно, и профессионализм обсуждения предполагает и это.

В советское время дети тоже "голосовали ногами". Они шли к репетиторам по тем предметам, по которым они будут сдавать в вузы. Ну, неужели это новость? Другое дело, что общий уровень дисциплины в школе был другой. Но это опять-таки не егэшная проблема – это проблема школьной дисциплины, проблема

дисциплины общества, проблема перехода от авторитарного общества к либеральному. Это совсем не вопрос того, как устроен наш ЕГЭ.

Мы ввели олимпиады. Вот сейчас мы видим, что и олимпиады надо существенно корректировать. Вопрос здесь не возникал, поэтому я его затрагиваю. Вот, например, вопрос, который мы обсуждали на последнем совещании у Виктора Антоновича, такой: что олимпиады третьего уровня должны быть региональными, что по третьему уровню, скажем, не имеет смысла выезжать из региона. И мы уверены, что мы здесь получим поддержку действительно региональных правительств и губернаторов и образовательного сообщества. Понятно, что я сказал, да? Я не буду говорить детали. Те, кто погружен в проблематику отбора в вузы... Мы предлагаем, чтобы не считалось, что можно на основании победы в олимпиаде третьего уровня поехать в Москву, в Петербург, в другие регионы, – сдавай ЕГЭ, пожалуйста, учитывать можно, но это не дает тебе 100 баллов. Вот один из примеров.

Я хотел бы еще вспомнить о том, что наряду, действительно, с ощущением потребителя достаточно важно для нас именно мнение профессионального сообщества. И здесь очень тонкое замечание сделал Владимир Самуилович о том, что когда начался ЕГЭ, мы получили огромное по влиянию и немногочисленное отрицательное лобби лучших учителей. Вот это очень тонкое замечание. То есть масса отнеслась к этому даже с некоторой радостью, потому что тестики, они облегчают жизнь, понятно, что готовить и так далее. А вот эти самые индивидуальные творческие учителя, которые слышны по стране, которых, может быть, была вся сотня на десятки тысяч тех, которые отнеслись равнодушно, на тоже десятки тысяч тех, которые отнеслись с радостью к ЕГЭ, пусть неоправданной, – а вот эти единицы – мы их не завоевали. Это проблема, которая сказывается до сих пор. Человек занял позицию постоянного оппозиционера. Вот сейчас на самом деле главное – работа с профессиональным сообществом в этом отношении и завоевание доверия через него. Потому что кто

виден, кто слышен, кому доверяют родители, кто его слушает? Вот с этими людьми нам надо работать.

Я считаю, что в области математики (Любовь Николаевна упомянула об этом) нам что-то здесь удалось. То есть математический экзамен был радикально перестроен именно благодаря влиянию сообщества, в том числе наиболее известных, видных математиков.

Вот Иван Валерьевич сейчас упомянул Пратусевича. Да, действительно школа, которая в куче разных рейтингов номер один, а с другой стороны – школа, готовящая творческих математиков, Санкт-Петербурга. Максим – сторонник ЕГЭ, и многие другие там. Миша Случ, например, несмотря на то, что у него совершенно нестандартная школа, творческая школа, он понимает, что ЕГЭ – это тот механизм, с которым он должен и будет работать. Я считаю, что это довольно важно. Вот, скажем, если посмотреть на литераторов, ну, где ты найдешь литератора, который за ЕГЭ? Почему мы их не завоевали? Значит, надо искать те формы, в которых с ними можно работать.

Зинаида Федоровна Драгункина, председатель нашего комитета, когда было обсуждение в Общественной палате, вспоминала работу комиссии при Президенте, что комиссия при Президенте, она действительно пыталась собрать мнения сообщества, их аккумулировать, обсудить их на, так сказать, политическом уровне и вынести на реализацию. Вот обращение Драгункиной по поводу того, что нужно эти планы, которые у нас были заданы комиссией (здесь присутствует ряд членов комиссии этой, я уж не буду их называть), – рассмотреть вот это и пойти на реализацию.

И здесь вопрос именно о самоорганизации сообщества, вот то, о чем говорила Любовь Николаевна Духанина, – о том, что нам нужны самоорганизующиеся структуры, нам нужны ассоциации тех, кто активно и заинтересованно участвует в ЕГЭ, в частности эксперты. Вот это принципиальная вещь. Мы на самом деле тоже упустили... как вот упустили работу с лучшими, так и упустили работу с экспертами, то есть с людьми, которые согласны с

процедурами ЕГЭ, согласны работать на ЕГЭ, среди которых есть и не вполне квалифицированные, и не вполне честные. Давайте с ними работать, давайте их отсекайте. Давайте устроим это саморегулирование, портфолио будем готовить всех наших экспертов, оценивать их, исключать их из состава, переводить в другие категории и так далее. Эта работа не ведется Рособрнадзором, хотя он вполне может ее инициировать. Это не его задача, но задача запустить, рекомендовать – я бы считал, что это надо делать.

Еще я хотел бы сказать о том, что в этом плане слова о повышении квалификации, ну, такие совершенно очевидные. Действительно, нам нужно сделать специальные программы работы со специалистами по качеству образования по регионам и реализовывать их в плановом порядке. Сейчас, когда идет реформа педагогического образования, это должно быть одной из основных задач. Вот мы в математическое образование опять это закладываем, но в общую структуру педагогического образования, которую мы сейчас реформируем, это не обязательно заложено.

Опять-таки ссылаюсь на ситуацию с концепцией математического образования (вот я координирую эту работу). Мы получаем сотни писем, и почти все осмысленные. Вот сегодня я получил дюжину писем, например, с утра. В них ряд предложений, которые, в общем-то, при разработке плана мероприятий можно учитывать. То есть нам удалось запустить через профессиональное сообщество еще более широкое общество.

Просто частный еще вопрос... Я хотел бы сказать, что вот пример того, что нужно дорабатывать прямо сегодня. Всё еще у нас недоработан учет разных экзаменов, всё еще мы занимаемся сложением русского языка с химией, хотя нам не нужен химик, который именно на 80 баллов знает русский язык. Если у него есть 60 – достаточно. Давайте сравнивать их по химии. Ну, очевидная вещь.

Вот сейчас я обратился с письмом в министерство, чтобы именно вуз, которым я сейчас руковожу, мог бы не по всем направлениям педагогического образования, засчитывая обществознание, которое я считаю неразумным

экзаменом, а засчитывать именно для химиков, для тех, кто хочет быть учителем химии, химию как профильный предмет, а остальные – по минимальному уровню. Ну, очевидная вещь, которую обсуждаем много лет. И вот опять-таки нам нужно здесь выслушивать мнение, прошу прощения, профессионального сообщества.

Поэтому я считаю, что важны поддержка самых, так сказать, слушаемых учителей, лидеров, обсуждение с ними, их завоевание, привлечение на свою сторону, широкое профессиональное сообщество, в частности, экспертов ЕГЭ, создание профессиональной ассоциации этих экспертов, которая сразу позволит нам организовать позитивное лобби, тоже широкое, тоже из именитых людей, и через него – выход на потребителя. То есть то, что каждый учитель должен обсуждать проблематику ЕГЭ с родителями, должен объяснять, в чем смысл этих процедур, – это та задача, которая стоит и в том числе перед этим профессиональным сообществом. Вот что я считаю.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Алексей Львович.

Уважаемые коллеги, когда говорят о профессиональном сообществе, то, как правило, так и воспринимают, – что это учителя, органы управления образованием. Надо сказать, что этот ряд достаточно широк. А в том вопросе, который мы обсуждаем, скорее первую скрипку играют те незаметные, в общем, на самом деле профессионалы, которые пока не нашли, скажем так, признания в научной среде, – это те, кто занимается измерениями, педагогическими измерениями на разных уровнях образования. Надо сказать, что самую большую практику в этом направлении получили так называемые региональные центры обработки информации, которые стояли в регионах у истоков.

Собственно, такой же центр Алексей Львович в Москве возглавлял, да?

А.Л. СЕМЕНОВ

Конечно.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Это, собственно, то же самое...

И я бы вот хотела сейчас... У нас здесь присутствует заведующий центром такого мониторинга в томском институте повышения квалификации Борис Валентинович Илюхин.

Я, Борис Валентинович, Вас не заставляла бы долгие речи говорить, но, с Вашей точки зрения, насколько перспектива саморегуляции для ваших коллег, вот именно тех, кто занимается измерениями... Причем заметьте, измерениями сегодня мы занимаемся на всех уровнях образования: на уровнях дошкольного, психологи, всё, что связано с диагностикой, на уровне текущего оценивания в основной школе, на уровне репетитора, дальше – на уровне государственной итоговой аттестации, в профессиональном образовании. У нас всё, что связано с общественно-профессиональной аккредитацией, с оценочными процедурами, – везде у нас есть востребованность в этих специалистах. Но время отличается тем, что эти специалисты пока не осознают себя как специалисты отдельного сообщества внутри образовательной политики.

Борис Валентинович, каковы перспективы у большого количества таких людей на разных уровнях образования все-таки осознать себя как самостоятельный профессиональный отряд и его способность к саморегулированию? Какова Ваша точка зрения?

Б.В. ИЛЮХИН

Спасибо огромное, Любовь Николаевна.

Вы знаете, я хотел бы начать вообще с немножко парадоксальной вещи, то, о чем говорили Любовь Николаевна...

Л.Н. ГЛЕБОВА

У нас здесь две Любви Николаевны остались. *(Оживление в зале.)*

Б.В. ИЛЮХИН

...и Владимир Самуилович. Вот Собкин очень правильно сегодня сказал, что у нас есть противостояние между школой и родителями на самом деле. Родители считают, что школа плохо учит, – школа считает, что родители плохо

воспитывают. И Виктор Викторович абсолютно опять же прав, что оценка должна быть независимой. Эти обе стороны, они немножко пристрастны. Но, на наш взгляд, их взаимодействие может лежать только в плоскости позитивного объяснения и тем, и другим, что происходит на самом деле. И с этой точки зрения общественное участие, там, в различных формах... Например, родителям предложить просто сдать ЕГЭ и посмотреть, что из этого получится у них у самих, у родителей, а потом задать вопросы школе, а что же, собственно, происходило в школе и какие есть проблемы в школе.

Но для всего этого необходимо не только ЕГЭ. Это огромное количество различных процедур оценки качества образования. Это мониторинги, это не только ГИА-9, но и мы говорим о необходимости формирования портфолио, измерения социализации. Это достаточно сложные и емкие процедуры. Например, у фармакологов ни одно лекарство не будет запущено в серию, что называется, без одобрения профессиональным сообществом.

На мой взгляд, на очень простом примере... Принято решение об открытии банка. Это, на наш взгляд, правильное, хорошее решение. Банк должен быть открытым, но теперь возникает вопрос: а как из него набрать варианты? Очень простой вопрос. А можно ли эти варианты сделать параллельными? Вот если мы просто нажмем на кнопку и получим 150 вариантов. Сможем ли мы оценить 150 разных детей по одному и тому же объему знаний? На самом деле не очень. Тут возникнут профессиональные проблемы.

И здесь необходимо участие, большая роль профессионального сообщества. Но сейчас в Российской Федерации это профессиональное сообщество не объединено, оно не сформировано. И на наш взгляд, необходимо создание такой ассоциации, организации оценщиков в области образования со своими отделами, подразделениями, которые бы проводили оценку тех или иных инноваций с точки зрения их профессиональной реализуемости и только потом уже выносили на суд общественности. Вот коротко.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Борис Валентинович.

Я так понимаю, что перспективу... На мой вопрос Вы ответили: "Да, такая перспектива есть". Но единственное, что нас должно все-таки ограничивать, это то, что никто не придет и это не сделает. То есть это не функционал (не)полномочий органов исполнительной власти. Это как раз то место, где либо профессиональное сообщество способно к самоорганизации, оно способно оформить себя как партнера, даже, может быть, как ведущего для органов исполнительной власти, для органов управления. И насколько я понимаю, потребность у исполнительной власти в возникновении таких центров, где осуществляется эта оценка, рекомендации, она, мне кажется, сегодня прямо зашкаливает. Я думаю, Анастасия Владимировна согласится с этим. Да и я недалеко ушла от работы в органах исполнительной власти. Я прекрасно понимаю, что чиновник не имеет права принимать тех решений, за которыми следуют изменения в профессиональной среде. Он может лишь... Нравится нам это или не нравится, чиновник организует процесс по поводу того, что есть выводы – и из профессиональной среды, и из экспертной среды. Это сложные механизмы. Поэтому именно сегодня мы и находим такие места, где встречаются политики, общественники, профессионалы, представители исполнительной власти. И площадка Совета Федерации в этом смысле именно таковой и видится.

У нас сегодня приглашены как раз те, кто еще заинтересован, у нас есть и представители работодателей. И Станислав Эдуардович Цырлин...

Где у нас Станислав Эдуардович? Не ушел еще? Здесь.

Спасибо Вам за то, что дождались.

Но поверьте, у нас логика такова. У нас, скажем так, нуждающихся... Нет, это неправильно, нуждающиеся – это как раз органы исполнительной власти. Вот таких центров, в которых нуждаются, достаточно много. Работодатели очень активны. Они находят свои способы определения и свои позиции. Находиться в поиске – это уже подвиг. И я бы просила Вас, Станислав Эдуардович, Вашу точку зрения на обсуждаемую тему, имея в виду, что у нас здесь достаточно свободный

режим: многие уходят, многие приходят. Но мы нашу дискуссию доведем до конца даже с теми людьми, кто у нас остался. Если у кого-то есть какие-то темы... Так как два с половиной часа – это много для работы, мы с пониманием относимся к тем, у кого какие-то дела возникли, и они нашу аудиторию покидают. Ничего страшного в этом нет. Это нормально.

Пожалуйста, Станислав Эдуардович.

С.Э. ЦЫРЛИН

Спасибо за возможность выступить.

Я начну... два слова не как работодатель, а свое личное мнение.

Хотел бы поддержать господина Яценко и заявить, что ЕГЭ, безусловно, правильное в целом для нашей страны направление, если мы сравниваем это с тем, что было. Потому что я отлично помню, как мы зубрили эти билеты по открытым экзаменам. И я не согласен с уважаемым депутатом Смолиным, что творчество и творческий потенциал личности имеет хоть какое-то отношение к запоминанию, кто автор какой цитаты. Да, ради Бога, это всё равно тренировка памяти. Это ничего общего не имеет с личностью, с ее развитием, и проверять ее знанием таких вопросов – это бессмысленно.

Теперь, переходя к основной теме, с точки зрения работодателя здесь я поддерживаю ректора МАИ. Главнейшая тема ЕГЭ – это тема ЕГЭ по физике. Подготовка высококвалифицированных кадров для промышленности является важным приоритетом для развития российской экономики. И при этом нельзя отрицать устойчивую тенденцию снижения мотивации школьников получать техническое образование. Если лидерам, таким как МФТИ, МГТУ имени Баумана, еще удастся сохранять престижность и поддерживать конкурс, то региональные технические вузы, на которые приходится подавляющее большинство обучающихся в стране студентов-технарей, имели серьезные проблемы и без ЕГЭ, но ЕГЭ эти сложности усугубил.

По большинству направлений технического обучения требуется сданный экзамен по физике, который не является обязательным. И что при этом

происходит? Физика – сложный предмет. Ученики, в частности под влиянием своих родителей, отказываются его сдавать из-за боязни получить низкий балл. Но к негативной мотивации родителей добавляется и негативная мотивация самих школ, которым плохие результаты экзамена по физике ухудшат средний балл и соответственно понизят их рейтинг. В результате мы имеем не только проблему школьников, но и связанную с ней проблему учителей физики.

Я думаю, не раскрою секрет, сказав о том, что ситуация с преподаванием физики в школе если еще не грозовая, то, безусловно, предгрозовая. Выпускников педагогических университетов, закрепляющихся в качестве учителей физики в регионах нашего присутствия, очень мало. И на сегодняшний день не все школы Липецка укомплектованы учителями физики. Что делать? Мы понимаем, что стихотворение Слуцкого давно уже перевернуто, и в почете у нас как раз сейчас лирики, а физики как раз в загоне. И есть ли шанс это обратить? Есть ли возможность сделать ЕГЭ по физике обязательным?

Если полномасштабное решение не реализуемо, можно посмотреть на селективное квотирование, можно, к примеру, установить в крупных городах квоту на технические классы, в которых сдача ЕГЭ по физике будет обязательной. Скажем, 40–50 процентов от общей численности старшеклассников, а остальные пусть будут лириками. Но пока государственного решения нет, крупные работодатели вместе с базовыми вузами решают проблему самостоятельно, подручными методами.

И вот еще пару слов о том, что мы делаем. Изначально проблема была очень острая. НЛМК трудоустраивает в год больше 200 выпускников ЛГТУ. В 2010 году всего 376 школьников в Липецке, или 20 процентов, записались на ЕГЭ по физике, и средний балл был всего 55. В 2013 году ЕГЭ по физике выбрали уже 658 школьников, это 26 процентов, но тоже мало, средний балл вырос до 60. При этом о какой-то самоочевидной тенденции речь не идет, условия по-прежнему враждебные, и мы в них работаем, мы ведем разъяснительную работу в школах города. Вначале даже не все знали, что без ЕГЭ по физике не поступить на

технические направления. При нашем содействии и нашем финансировании открыто два физико-математических класса, проводится агитация среди девятиклассников, на них поступают с 10-го. При ЛГТУ открыта специализированная школа "Эврика", и там, в частности, идет подготовка не только к ЕГЭ, но и подготовка олимпиадников, и у нас уже есть успехи на российском уровне. На базе ЛГТУ функционируют 17 технических классов, учебу в которых за три года прошло около 1000 школьников. Сейчас совместно с городским департаментом образования решаем вопрос об использовании дистанционных технологий.

Таким образом, совместными усилиями и с вложениями нашими, как озабоченных работодателей, мы стабилизировали ситуацию. Однако равновесие это хрупкое. Если нам не удастся сделать сдачу ЕГЭ по физике обязательной хотя бы для части школьников, мы очень рискуем. Поэтому считаем необходимым, во-первых, в городах с развитой наукой и промышленностью, таких как, например, Липецк или Екатеринбург, установить минимально допустимое количество школьников, сдающих ЕГЭ по физике, механизм реализации продумать. Альтернативно продумать снятие ограничений, не позволяющих университетам принимать на технические направления без ЕГЭ по физике, но этот путь нам нравится меньше, поскольку он увеличивает риск убить школьное преподавание физики окончательно.

Второе. Продумать стимулы специально для учителей физики в виде целевой программы.

Возможно, какие-то конкурсы, возможно, финансовое стимулирование за хорошие результаты ЕГЭ по физике, возможно, стимулирование школ за высокий процент сдавших ЕГЭ по физике.

И, наконец, вывести из-под удара негативных последствий школы, наращивающие количество сдавших ЕГЭ по физике, несмотря на возможности ухудшения средней температуры по больнице. Все-таки физика – действительно

сложный предмет. Но задача инновационного развития страны тоже простой не является. Поэтому мы должны не бояться сложных и нестандартных путей.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Станислав Эдуардович.

А как наши эксперты смотрят на то, чтобы у них было то количество... вот добровольно, сколько хочу... Как, Николай, Вы относитесь к такой развилке? Не столько, сколько я хотел бы, а вот в обязательном порядке... Кстати, надо сказать, что в ходе эксперимента, который длился достаточно долго, у нас было пять обязательных предметов, и это тоже имело свои плюсы и минусы. Когда мы анализировали совместно, когда коллеги-профессионалы анализировали, были свои плюсы и минусы, вот как бы приняли такую точку зрения. Но любая правоприменительная практика вносит свои коррективы в принимаемые решения. Но, безусловно, принимать решения нужно, учитывая всесторонний взгляд на эту тему. Вот, Николай, Вы, как одна из сторон, что бы сказали по поводу того... Просто Николай в этом году сдавал единый государственный экзамен. Вот если бы у Вас было много обязательных предметов, как бы Вы жили?

Н.И. ТИТАЕВ

Конечно, у каждой школы есть свой рейтинг, и, как сказал Цырлин Станислав Эдуардович, можно поощрять школы, которые выпускают хороших учеников с высокими знаниями физики. Но так как рейтинг школы оценивается по результатам ЕГЭ, соответственно, школы и учителя, запрещая сдачу экзаменов ученикам, которые плохо их понимают, соответственно это ограничивает...

Л.Н. ГЛЕБОВА

Ограничивает ваши добровольные проявления. Да?

Н.И. ТИТАЕВ

Да. И тот путь, который ученик выбирал при сдаче того или иного предмета...

Л.Н. ГЛЕБОВА

Я знаю, Вы технарь. Для Вас физика – святое дело. А вот что Линара сказала бы по этому поводу, она не совсем технарь, если бы у нее физика была бы обязательной?

Л.Р. САМЕДИНОВА

Готовилась бы. Что я еще могу сказать? Вообще, в моей школе был профильный класс, который был открыт "Роснефтью". И у них было стимулирование уже при поступлении... В этот класс поступали, в 10-й... Ученики 9-го класса в обязательном порядке сдавали физику и химию для поступления в класс "Роснефти", 10-й и 11-й. Тем самым они стимулировали изучение физики, они приглашали профессионалов, разных профессоров из Краснодарского банковского государственного университета по субботам. У них субботы были посвящены только шести часам физики, шести часам химии, чередовались. В итоге они обеспечили себе будущих специалистов, которые после 11-го класса уезжают в Москву учиться и после того, как отучатся, возвращаются в "Роснефть" работать.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Роман, а что Вы нам скажете по этому поводу?

Р.И. ДУДАРЕВ

Что я могу сказать? Я на данный момент являюсь студентом МГТУ имени Баумана, и идея введения физики как обязательного экзамена меня очень радует.

Л.Н. ГЛЕБОВА

А если бы Вы учились на филфаке, а не на физтехе?

Р.И. ДУДАРЕВ

Понимаете, в чем суть всего? В том, что техническое образование, с моей точки зрения, является универсальным. Там идет не столько приобретение знаний конкретно по физике или по каким-то отдельным... например, сопромата или что-то в этом роде, человек учится думать именно в физико-математическом направлении. Он учится думать и мыслить. Например, если даже физику не

введут – ради бога. Главное, чтобы в школах детей учили думать, а не работать по шаблону.

Я сейчас занимаюсь и репетиторством, и в институте помогаю младшим курсам. С какой проблемой я сталкиваюсь? Дети не понимают, как решать задачи, которые стоят нестандартно. То есть они умеют решать по шаблону. А, например, шаг влево, что-то изменили в условии или какая-то другая ситуация в других условиях, они уже не понимают, что делать. То есть именно мышление не развито, именно в школах нужно поднимать это.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Николай еще хочет что-то добавить, да?

Эксперты имеют право, коллеги.

Н.И. ТИТАЕВ

То, что ученики при выпуске из школ выбирают себе либо гуманитарную специальность, либо техническую. Соответственно, если мы вводим какой-то предмет обязательный, физику, соответственно, идет ущемление прав тех, кто выбирает гуманитарную специальность. Соответственно, мы должны вводить какой-то другой обязательный предмет: литературу или еще что-то в этом роде.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Да, спасибо.

Вы представляете, Борис Валентинович, что предметность именно такого рода обсуждений будет лежать в основе деятельности той саморегулируемой организации. Это вот если раньше можно было легко сказать: "Так, ну и что Рособнадзор делать будет? Ну и что министерство делать будет?", то теперь скажут так: "Ну и что по этому поводу думает у нас ассоциация оценщиков? А какие у нас здесь риски? А какие у нас здесь плюсы?"

Как, Борис Валентинович, все-таки Вы думаете, способно профессиональное сообщество давать оценки такого рода развилкам, чтобы у нас исполнительная власть принимала решения не свои собственные, не как они в их

головах лежат, а как они лежат в головах профессионалов, с позиции того большого опыта, который у них есть?

Б.В. ИЛЮХИН

Любовь Николаевна, да на то оно и профессиональное сообщество, чтобы в спорах и прениях рождалось консенсус, иначе, наверное, его не стоит и создавать в принципе.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Ну да, значит, будем справляться.

Б.В. ИЛЮХИН

Единственное, что хотелось бы еще добавить, что, вообще говоря, роль, наверное, законодательной власти в создании такой организации может быть очень значительной, потому что...

Л.Н. ГЛЕБОВА

Может быть.

Б.В. ИЛЮХИН

...нормативная база для создания... То есть сначала должна быть подготовлена нормативная база для создания подобного рода структур.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Слушайте, да какая нормативная база?! Вы соберитесь. Все базы для саморегулируемой организации, они все... чего еще надо? Нужна на самом деле воля в этом смысле.

И насколько я понимаю, Алан Урузмагович, скажите (Вы региональный начальник, у вас есть все проблемы, с которыми вы сталкиваетесь), вот у вас, значит, тесты пресловутые пишут кто? Все учителя подряд, которые идут на урок, да? На развалах книг какие там книжки лежат? Всех, кого угодно. Как оценить, насколько это правильный инструментарий? Как Вы смотрите, есть ли у нас такие кадры, которые способны, объединившись сегодня, всё же действительно формировать профессиональный взгляд на ту проблематику, которую мы поднимаем в политическом, в общественном и в поле исполнительной власти?

А.У. ОГОЕВ

Спасибо большое, Любовь Николаевна, на самом деле, во-первых, за эту дискуссию и, соответственно, профессиональные суждения, которые мы сегодня услышали.

Я, во-первых, хотел акцентировать на том, что министры сегодня, региональные руководители, они, наверное, как студенты: если студенты живут от сессии к сессии, то руководители живут от ЕГЭ до ЕГЭ, и не все проходят это испытание.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Не все. Некоторых теряем по дороге, да? Есть такая история...

А.У. ОГОЕВ

Да. И здесь вопрос как раз в том и заключается, наверное, что сегодня, если китайские философы не берутся давать оценки Великой французской революции, а господин Асмолов, наоборот, говорит, что время у нас слишком быстро движется, что через 150 лет после отмены крепостного права мы потеряли и право... Но тем не менее я хотел сказать, что та динамика и те изменения, которые происходят в связи с аналитикой по сдаче и реализации единого государственного экзамена, мы видим, что статистика нарушений, она растет. Вместе с тем мы говорим... Я сейчас не беру профессиональные качества тестов, стандартов, и я говорю о процедуре, об организации непосредственно проведения, о том, за что отвечают сегодня регионы (да?), в чьей компетенции находятся непосредственно проведение и организация единого государственного экзамена, а это, конечно же, касается как профессиональной направленности, так и общественно-политической, политического значения, то, что мы как бы в каждый период сдачи ЕГЭ ощущаем с экранов наших телевизоров и из средств массовой информации.

Поэтому я думаю, что необходимость создания единых требований и процедур проведения единого госэкзамена на федеральном уровне – это, конечно же, абсолютно сегодня, скажем так, отвечающее потребности мнение, которое

высказывается экспертным сообществом, а также мы говорим о том, что с учетом повышения роли информационной безопасности процедуру сдачи ЕГЭ необходимо проводить непосредственно в пункте проведения единого госэкзамена. Всё это говорит о том, что все изменения, которые фактически сегодня происходят, они происходят под давлением, которое сегодня испытывают в том числе и наши как (хотел бы отметить) выпускники, так и, скажем так, организаторы, которые проводят этот процесс. И если раньше наши выпускники имели стресс и переживания о том, сдадут они либо не сдадут, то сегодня они еще и переживают о том, а что если вдруг кто-то сдаст с точки зрения возможности списать, воспользоваться какими-то другими благами.

Еще один из моих тезисов, о котором я хотел бы сказать, это, на мой взгляд, создание единого электронного образовательного пространства, о котором в последнее время мы пытаемся также говорить, что позволит нам более прозрачно оценивать достижения наших выпускников. Это электронный журнал, электронный дневник, это то портфолио, которое нельзя будет купить, но которое можно будет сформировать и независимо проверить в результате высоких баллов, допустим, как элемент.

Поэтому еще раз хотел бы акцентировать свое внимание на том, что те усилия, которые сегодня предпринимаются... И еще раз хотел поблагодарить за то, что именно сейчас проходят эти наши слушания, парламентские слушания, потому что 2014 год наступит достаточно скоро, скоро будет проходить этот экзамен, и те изменения, которые сейчас еще возможно внести, я думаю, что они бы позволили нам как-то скорректировать, скажем так, объективность оценки проведения единого государственного экзамена. Вместе с тем, конечно же, нельзя ни в коем случае отклоняться от того регламента, от той законодательной базы, которая сегодня предполагает, соответственно, внесение определенных изменений, но опять-таки если это касается существенных изменений либо коррекционных с точки зрения организации и достижения объективности сдачи единого государственного экзамена.

Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо. Спасибо большое за то, что связано с планами на ближайшую и на среднесрочную перспективу.

Все же, надо сказать, единственное, в чем я абсолютно уверена, что абсолютно точно и твердо могу говорить про единый государственный экзамен – это то, что законодательного и нормативно-правового регулирования на сегодняшний день для этого предмета достаточно. Эта база полна. Она в данном случае не нуждается... она дает все возможности. Мы сегодня уже смещаем акцент на анализ правоприменения, на анализ того, какие эффекты дает применение той законодательной, нормативно-правовой базы, которая имеется сегодня. База у нас действительно каждый год находится в процессе совершенствования. Это не значит, что она идеальна. Но это означает, что процесс настолько активен, он настолько динамичен, что, безусловно, разные изменения, но мы всегда следуем принципу: поспешай, не торопись. Чтобы не вводить коллапса в деятельность, в процесс, чтобы наша деятельность не мешала процессу, как минимум, а позволяла ему развиваться.

В этой связи я бы хотела сказать, что у нас представители нашего законодательного органа, представители Совета Федерации, региональной площадки. Неслучайно именно такой разговор идет у нас в Совете Федерации. Мы смотрим не на самую законодательную базу, а на эффект от ее правоприменения. И именно в связи с этим проблематика на наших слушаниях ставится в таком контексте. Именно поэтому наших коллег, которые тоже хотели бы выступить и сказать несколько слов, я оставила, как хозяев, в качестве последних. Сначала дали возможность высказаться всем гостям.

Пожалуйста, коллеги, у нас есть и Игорь Николаевич Чернышёв, и Сергей Евгеньевич Рыбаков. Кто бы хотел у нас сейчас сказать несколько слов? Пожалуйста.

И.Н. ЧЕРНЫШЁВ

Два слова буквально.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Пожалуйста, Игорь Николаевич Чернышёв, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике.

И.Н. ЧЕРНЫШЁВ

Спасибо.

Все уже устали. Меньше, чем полчаса, говорить не умею.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Как любой депутат.

И.Н. ЧЕРНЫШЁВ

Поэтому буду говорить, основываясь на том, что в принципе уже сказано.

Уважаемые коллеги, любое действие, любое мероприятие, которое мы проводим на федеральном уровне, или любая программа, оно прежде всего направлено на решение какой-то важнейшей государственной задачи. Образование само по себе – это мощнейший, самый мощный и самый надежный инструмент для достижения государством поставленных в определенный исторический период времени задач. Задача ставится Президентом. Президент ставит задачу нам: нам нужны сегодня патриоты, нам нужны сегодня ответственные люди и нам нужны сегодня профессионалы. Это из декабрьского Послания Президента, почти дословно, контекстом, Федеральному Собранию Российской Федерации. Поэтому хотелось бы оценивать роль ЕГЭ и дальнейшее его развитие именно в плане выполнения этих государственных задач, которые поставлены перед системой образования.

Буквально сегодня эксперты и профессиональное сообщество нам говорят о тех проблемах, которые есть в ЕГЭ, но ничего не говорят (например, я хотел бы услышать) о том, что система образования хочет делать для того, чтобы ЕГЭ влияло на решение государственной задачи – той, которая поставлена сегодня Президентом. Вот это сегодня, к сожалению, озвучено не было. А аргументов для того, чтобы все-таки на это обратить внимание, более чем достаточно.

Вот Людмила Михайловна Огородова ушла... В бытность ее депутатом Государственной Думы, буквально полгода назад, полгода назад, еще в мае, за неделю до ЕГЭ мы с ней ездили по территории Томской области и посещали образовательные учреждения, встречались с детьми, потенциальными выпускниками, которым через две недели сдавать ЕГЭ. На вопрос: "Кто из вас на 100 процентов определился в выборе своей профессии?", вы знаете, в самой продвинутой аудитории утвердительно ответили 30 процентов с натяжкой. В самой продвинутой аудитории. Поэтому если мы говорим... если в Послании Президента сказано, что нужны профессионалы, необходимо ответить на вопрос: а откуда они берутся? Откуда нам взять сегодня тех учителей, врачей? А врач, в принципе он формируется, его морально-психологическая основа, она формируется в школе, а не потом, когда он в ВУЗ приходит. В ВУЗе поздно уже, он в ВУЗе уже режет, если он хочет быть хорошим врачом, или, соскочив с последнего курса ВУЗа, уходит прыжки выдавливать в частную систему, где меньше ответственности. Поэтому вот в этой части мне представляется, что нужно все-таки Министерству образования и науки задуматься над решением государственных задач. Еще раз говорю, это инструмент государства.

Дальше. Насколько мы сегодня готовы к сдаче ЕГЭ поголовно? То есть все. Ну, как вот, представьте: мы играем в футбол, одна футбольная команда вышла в бутсах, экипирована, как это положено, а другая – нет, то есть разные условия. А то, что они разные сегодня, и Минобрнауки знает это прекрасно, они разные в разрезе субъектов... Взять образование Москвы, которое всё время соревнуется с образованием Санкт-Петербурга, – оно разное. Не говоря уже о том, чтобы спускаться ниже. Оно тоже разное. А требования мы предъявляем одинаковые ко всем. Что получается? Получается, что внизу мы с вами видим подвиг и профанацию одновременно со стороны учителей. То, что учителя стали коррумпированной частью системы, – это тоже объективно, потому что мы сделали систему оценки знаний за деньги. То есть выпускник показывает хорошие оценки по ЕГЭ – в этом случае учитель получает деньги как вознаграждение за

хороший результат. Но учитель объективно не может до конца влиять на этот результат, даже если он будет высокий профессионал, потому что результат закладывается в начальной школе, там, где математика идет другая, и к нему приходит уже почти готовый продукт. И он должен за этот продукт получить хорошие деньги. Ну, что? Вот и получается, что он делает профанацию, а потом совершает подвиг и участвует в этой коррупционной схеме.

Поэтому, коллеги, все-таки просьба к представителям системы образования: ну, задумайтесь, пожалуйста, над ролью ЕГЭ. ЕГЭ нужен, ЕГЭ нужен как единая оценка знаний, для того чтобы все-таки померить температуру, в общем-то, понять, что у нас происходит в образовании. Ну, померили мы ее, а дальше-то что? Сегодня эксперты довольно хорошие выводы делают: температура замерена, она понятна – так давайте дальше решать, делать шаги.

Сегодня мы увеличили заработную плату, благодаря указам Президента. Здорово. А что мы получили? Какие требования мы сегодня предъявляем к кадрам, которые идут в школу? Ну, давайте посмотрим на Европу: 30 процентов мужчин должно быть в школе. 30 процентов. Средний возраст педагога старше 40 лет – это преступление для школы. Так, может быть, на этом сосредоточиться нужно? Может быть, нужно изменить требования сегодня к школе, а это потянет за собой всё. Мужчина в школе потянет за собой физику, потянет за собой историю, потянет за собой физкультуру, то есть здоровье.

Вот ЕГЭ, вот для чего его нужно сегодня активно очень использовать и пользоваться этим инструментом. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Игорь Николаевич. Спасибо Вам большое.

Здесь сидят мои коллеги, представители нашего комитета. Мы сначала мужчине дадим слово, да?

Сергей Евгеньевич, пожалуйста, несколько слов. Мы понимаем, что люди уже устали, мы три часа почти работаем.

С.Е. РЫБАКОВ

Действительно, самые терпеливые остались, те, кто выдержал.

Я бы вот что хотел сказать. Я позволю себе порассуждать немножко не только как сенатор, но и как профессор, у которого полтора десятка лет стажа все-таки, и результаты ЕГЭ уже видны на студентах на самом деле, которые приходят в ВУЗ.

Вот если без эмоций, без истерик каких-то, нам всем очевидно, что ЕГЭ как таковой, конечно же, нужен. Это практика, в общем-то, большинства цивилизованных стран. Мне кажется, всё время подменяются понятия: мы говорим не о ЕГЭ, а о форме его проведения и даже, скажем так, о смысле проведения.

Мне, например, показалось сегодня очень знаменательным и печальным одновременно то, что главным докладчиком по ЕГЭ был руководитель Рособнадзора, а не заместитель министра, ответственный за образование, потому что, на мой взгляд, здесь проблемы не в процедуре. Мы сегодня очень много времени потратили на обсуждение процедуры, а вот это самое целеполагание, вот эта идеология ЕГЭ нам всем не до конца понятна. Честно говоря, на мой взгляд, многие проблемы ЕГЭ связаны с тем, что это опять, как уже не в первый раз, несколько вырванный... Я сейчас оговорился, вот опять я симптоматично оговорился – не ЕГЭ, а форма проведения ЕГЭ, которая сейчас существует... это вырванный из контекста элемент общей системы. На самом деле я хотел задать вопрос, но наш формат не предусматривал этого, насколько, вообще, изучен зарубежный опыт проведения подобных экзаменов. Я чувствую, что он изучен не очень глубоко.

Я услышал очень тревожную, на мой взгляд, оценку из уст заместителя министра, что у нас какая-то особая страна, у нас какие-то вообще неправильные люди, которые формируют вызовы, которые не формируются на Западе. Это не так. Речь идет о существовании либо отсутствии жесткой определенной системы, которая заключается не просто в наказании за нарушение. Дело в том, что во всех

странах, которые применяют подобные экзамены, существует определенная этапность поступления в вуз, и человек, окончивший основной общеобразовательный курс, дальше оканчивает определенную часть программы и набор курсов, необходимых для поступления. На самом деле сейчас мы в понятие ЕГЭ пытаемся впихнуть две разные задачи, то есть школьное образование и поступление в вуз. Я не буду долго распространяться, специалисты понимают, о чем я говорю. Здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Безусловно, есть положительные результаты ЕГЭ в плане поступления в вуз. Никто об этом даже и не спорит, потому что действительно дети из провинции получили больше возможностей, но само целеполагание, о котором я говорю, все-таки первой задачей ставило что? Устранение коррупции, объективность, прозрачность и возможность доступа в вуз. Получается, что эта задача также не решена. Проблема коррупции всё возрастает и возрастает, и мы видим это по прошедшему году. Почему? По-видимому, сама форма действительно ничего не решает, потому что можно (как кто-то сказал про болт и про гайку) придумать всё, что угодно, для того чтобы ее обойти.

Я, одну секунду, сошлюсь на личный опыт. В прошлом году мой сын сдавал ЕГЭ, поступал в вуз. Честно говоря, он мне такое рассказал (именно по ЕГЭ, не по вузу), в общем-то, я много чего в жизни повидал, но мне осталось только ему сказать: привыкай, парень, жизнь – несправедливая штука. В общем-то, вот это его было главное впечатление от ЕГЭ.

Так что же, получается, у нас происходит? И все-таки, еще раз говорю, из-за недостатка времени, из-за усталости не буду "разжевывать", но главная проблема ЕГЭ, которую я сейчас вижу, – это все-таки даже не проблема поступления в вуз, а то, что происходит со школьным образованием в результате, потому что реально старшие классы посвящены натаскиванию на ЕГЭ. Конечно, тот, кто не совсем понимает, о чем говорит... Часто тут звучит тема тестов. Мы понимаем, что ЕГЭ – давно не только тесты. Дело не в самих тестах, а дело в том,

что постановка вопроса так – это натаскивание на конкретные вопросы, вырванные из общего контекста. По большому счету, теряется возможность получения системного школьного среднего образования. И вот это, может быть, та самая главная проблема, о которой сейчас и нужно говорить, а даже и не о поступлении в вуз. Вот такие тезисы, которые хотелось бы озвучить. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Сергей Евгеньевич.

Мои коллеги. Галина Григорьевна, Вы скажете пару слов, да? И потом Людмила Николаевна.

Г.Г. НИКОЛАЕВА

Я хотела остановиться на рекомендациях, которые мы с вами предложили участникам наших парламентских слушаний. Я очень довольна тем, что все-таки Правительством Российской Федерации сформулировано поручение проработать вопрос о замене показателя оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Я думаю, мы должны помнить о том, что если будем говорить о качестве и оценке наших знаний, вот от такого, скажем, показателя, если мы поручение такое или рекомендации выработаем, примем на наших слушаниях, думаю, будет достаточно хороший эффект.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Галина Григорьевна.

Людмила Николаевна Бокова, наш очень активный член нашего комитета в вопросах общего образования... и Галина Григорьевна тоже. У нас, знаете, как про общее образование – так женщины.

Надеемся, что Сергей Евгеньевич нас поддержит в нашей активности, он новый член комитета.

Л.Н. БОКОВА

А Игорь Николаевич поменяет профессию.

Л.Н. ГЛЕБОВА

А Игорь Николаевич придет к нам в комитет.

Да, Людмила Николаевна.

Л.Н. БОКОВА

Я тоже скажу, собственно говоря, от лица учителя. Сколько существует единый государственный экзамен, столько я и в качестве учителя была на этом поле и действительно могу сказать о том, что когда он начинал свою апробацию в качестве эксперимента, я тоже была одним из участников этого эксперимента.

Сегодня единый государственный экзамен другой: он меняется, он совершенствуется, он становится действительно лучше, несмотря на ту критику, которая обоснованно есть, на эту критику, естественно, принимаются те или иные меры. Поэтому ничего общего с первоначальным вариантом сегодняшней единый государственный экзамен в части даже КИМов не имеет.

Кроме того, я думаю, что те основы, которые заложены в законе об образовании, они на сегодняшний день, может быть, еще не вступили в полную силу и не дают тех ответов, которые здесь звучали. Понятно, если мы будем расширять площадку для базы обязательных экзаменов, то тогда давайте спросим себя сами: а причем здесь, мы вводили, целевой набор, а как он действует, а как он реализуется? То есть много механизмов есть и так на сегодняшний день, которые не использованы.

Кроме этого, я думаю, что вот самая такая главная заслуга единого государственного экзамена в том, что он действительно создал единое образовательное поле. Это очень важно. Оно – для учителя, это образовательное поле, для авторов учебников, для разработки методических пособий. И, наконец, нормативная база, в плоскости которой находится и сам единый государственный экзамен.

Но тем не менее я вот для себя сегодня, слушая очень внимательно выступающих, выделила все-таки две очень важные проблемы. Это действительно так, согласна с Виктором Викторовичем в том, что доверия к результатам проведения экзамена на сегодняшний день недостаточно, поэтому у

нас и повальное увлечение репетиторами, и недоверие к самой системе школы. И это расхолаживает не только родителей и учащихся, но и самих учителей, поверьте.

Есть еще второй аспект – это как раз использование результатов единого государственного экзамена для управления самой отраслью. Это, на мой взгляд, и не хорошо, и не плохо. Это та норма, которую можно действительно использовать, но, может быть, ее, скажем так, продумать. И продумать прежде всего в том плане, что единый государственный экзамен может это выполнять, но нужно выделить несвойственные при этом для него самого, как экзамена, как процедуры, свойства.

Например, в качестве предложения я, наверное... на рассмотрение опять же результатов и включения, может быть, возможно, в рекомендации наших парламентских слушаний... Я думаю, что мы могли бы выделить те области возможного использования результатов единого государственного экзамена, именно области, и разработать понятные методики корректной интерпретации. То есть у нас критерии есть на самом деле, они, может быть, обсуждаются, но давайте им плоскость придадим более характерную для управления системой.

Например, опять же исходя из того, что я бывший учитель, для меня понятно, что единый государственный экзамен оценит меня как учителя при условии, что у меня будет кодификатор, спецификатор, демонстрационная версия. Это тот аппарат, чему я должна учить. Это абсолютно понятная для меня плоскость. При этом мне важно знать, как мой учащийся выполнил конкретное задание. А вот, к сожалению, для мониторинга в целом это не важно, это важно для меня. Ну, оцените меня именно с этой точки зрения, потому что это мне поможет в дальнейшем совершенствовать себя, как учителя.

Конечно, для меня важно знать востребованность моего предмета. Конечно, важно знать минимальные пороговые проходные баллы, как для учителя, но при этом мне важно и знать, если у меня есть профильные классы и есть непрофильные классы, как они сдают. И оценивать по одной линии нас в этом

плане тоже невозможно, потому что это не моя, скажем так, специфика, я не могу этот процесс изменить.

Поэтому я бы предложила, конечно, рассмотреть вопрос о возможности таких плоскостей для принятия, в том числе и управленческих решений, может быть, как для учителя, как для оценки системы школьного образования и, наверное, в целом для управления всей отраслью. Вот такие мои... *(Говорят одновременно.)*

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Людмила Николаевна.

Уважаемые коллеги, есть еще настаивающие на выступлении, на продолжении нашего обсуждения?

Пожалуйста, Эмилия Эдгардовна.

Э.Э. СЛАБУНОВА

Спасибо, Любовь Николаевна.

Уважаемые коллеги! Вот я очень внимательно слушала, параллельно как бы несколькими векторами слуха, и как депутат законодательного собрания, заместитель председателя Комитета по образованию, культуре, спорту и делам молодежи Законодательного Собрания Республики Карелия, и как директор крупнейшего в регионе образовательного учреждения, многопрофильного лицея, выпускники которого ежегодно поступают в МФТИ, МГИМО, МГУ, Высшую школу экономики и так далее, и как руководитель пункта проведения ЕГЭ, и как действующий учитель, ежегодно с первого года существования ЕГЭ, кроме только 2013 года, выпускающий на ЕГЭ по 50 учеников, на ЕГЭ по обществознанию, который Алексей Львович назвал таким совсем никудышным.

Что хочу сказать? ЕГЭ – это совершенно правильный экзамен, и хочется, вообще, сказать слова благодарности всем тем, кто стойко и убедительно держит эту линию на сохранение единого государственного экзамена. Правильный, ну, во всяком случае, для данного этапа развития системы образования нашей страны. То, что государственная итоговая аттестация в своих прежних формах абсолютно

себя исчерпала, я думаю, что сегодня это абсолютно очевидно. Все эти сборники сочинений, которые тоннами продавались, все... и сегодня вспоминались ответы на экзаменационные вопросы, которые диктовали учителя, и всё это зазубривали выпускники, и списывание, гарантированное репетиторство, и огромные масштабы коррупции, объективной оценки которой у нас, к сожалению, нет... И если сегодня говорят, что с момента вхождения ЕГЭ в штатный режим уровень коррупции в два раза повысился, стоит отметить, что никто не имеет возможности сравнить с масштабами коррупции, которые были при старых формах государственной итоговой аттестации. Поэтому, на мой взгляд, та ностальгия, которая еще, скажем, у Олега Николаевича постоянно присутствует, она должна просто быть забыта, и старые формы итоговой аттестации забыты вообще, как страшный сон, гораздо более страшный, чем ЕГЭ.

И если сегодня прозвучало из уст уважаемых преподавателей высшей школы, что мы видим, какие абитуриенты приходят сегодня в результате ЕГЭ, – у нас ведь нет возможности сегодня опять же сравнить, а какими бы они сегодня приходили, если бы ЕГЭ не было. На мой взгляд, они приходили бы гораздо с более низким уровнем, чем тот, который мы сегодня имеем.

Мы, наверное, все должны понимать, и правильно все понимаем, это проговаривалось, что ЕГЭ – это инструмент. Ведь никому не приходит в голову, скажем, обвинять термометр в том, что температура высокая, или в том, что термометр не способствует повышению иммунитета организма, или еще какие-то требования к нему предъявлять. ЕГЭ вскрыл все болезни, ну, или не все, но большинство тех болезней, которыми болеет сегодня наша система образования (в первую очередь, это низкое качество образования), и значительную группу других проблем, например, низкую мотивацию значительной группы учащихся, потому что в результате достаточно долгого периода знание потеряло свою ценность, к сожалению, в определенный момент нашей истории, показало и недостаточную квалификацию учителей, и технологическое отставание, и внутрисистемные управленческие нестыковки.

В качестве, скажем, одного маленького примера таковых проблем хочу сказать о том, что мы запускаем очень серьезные модернизационные процессы, и при этом у нас практически к этому моменту оказывается, что в результате всех оптимизационных процедур свернута методическая служба в стране, и методисты как класс фактически перестали сегодня существовать. Кто будет обеспечивать все эти модернизационные процессы? Учитель оставлен один на один сегодня со всем грузом еще и очень серьезных методических проблем, которые он должен теперь выполнять сам.

Поэтому что делать? На мой взгляд, в первую очередь нужно нам всем, кто работает в сфере образования, успокоиться самим, и всеми возможными способами успокоить общество, и вопрос перевести из плоскости "быть ЕГЭ или не быть" в плоскость "каким быть ЕГЭ". Сегодня нужно, чтобы в обществе обсуждение шло именно в этом векторе.

Нужно, конечно, этот инструмент совершенствовать, обеспечивать его безопасность. Мы, например, у себя в регионе со специалистами в области IT сделали примерную оценку, сколько будет такая региональная система безопасности стоить. В таком регионе, как Карелия, это сегодня, по приблизительным оценкам, порядка 20 миллионов получается. Нужно все механизмы использовать, чтобы эту безопасность обеспечить.

Нужно очень серьезно подумать, зачем мы открываем, вообще, банк заданий. Потому что есть кодификаторы, есть демоверсии.

Достаточно информации и для педагогов, и для учеников для того, чтобы понимать, что такое ЕГЭ. Открытый банк заданий, он, конечно, сегодня спровоцирует сразу появление других банков, это банки решений, и все новые технологические ухищрения появятся по поводу того, как использовать этот банк решений во время экзаменов. Если и открывать этот банк заданий, то, может быть, только на ограниченный период времени, на год или на два, для того чтобы опять же как-то всех успокоить и показать, что он есть, он большой, вот задания таких-то там типов и видов и, скажем, не более того, и затем его закрыть.

Но самое-то главное, нужное сегодня (к вопросу, который задавал Игорь Павлович, что температуру померили тем самым инструментом, а что делать дальше...), самое главное – решать сами проблемы, и создавать систему мотивации, и повышать квалификацию учителей, восстанавливать ликвидированную в стране методическую службу, совершенствовать учебно-методические комплекты, потому что та вакханалия, которая сегодня у нас есть, и мы понимаем причины этой вакханалии – лоббирование интересов и все там также не самые светлые процессы, которые происходят в этой сфере, они также негативным образом сказываются.

Вот к механизму оценки губернаторов. На мой взгляд, конечно, обязательно система оценки должна быть комплексная. И если мы понимаем, что ЕГЭ у нас – инструмент оценки результатов, понимаем, что результаты оцениваются исходя из целей как образцов этих результатов, целей, которые государство видело для системы образования и под эти цели выстраивает систему оценки результатов, получается, что все провалы между целями и результатами, они в процессе, в качестве этого процесса. Соответственно, в этой комплексной оценке, наверное, должны быть показатели, которые будут оценивать как раз качество процесса.

В первую очередь, на что хочу обратить внимание? Это методика формирования норматива подушевого финансирования и, и в первую очередь, его обоснованность, потому что сегодня мы понимаем, что в большинстве наших дотационных регионов, а таковых у нас большинство, у нас этот норматив формируется каким образом – берутся реальные средства по остаточному принципу, делятся на все детские души, и нам предъявляют – вот это норматив. Никто не просчитывал, сколько реально стоит реализация государственного образовательного стандарта, никто не готов обеспечить какие-то гарантии финансовые, а именно они создают условия. Именно поэтому у нас сегодня та проблема, о которой сегодня вспоминали не один раз, – это серьезная межрегиональная дифференциация в качестве образования, в доступности

качественного образования и, в первую очередь, из-за дифференциации бюджетной обеспеченности реализации государственных образовательных стандартов. И самое главное – нужна внутрисистемная согласованность, стыковка всех управленческих действий, и тогда ЕГЭ заработает тоже как инструмент совершенно правильно. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо, Эмилия Эдгардовна. Вы представляете у нас Законодательное Собрание Республики Карелия, просто я для коллег.

Хотелось бы сказать, что как всегда: начинаем про ЕГЭ – заканчиваем всеобщей проблематикой образования, что свидетельствует о том, что, действительно, ЕГЭ – это то звено, потянув за которое, можно: а) вытянуть проблематику; б) её сформировать.

И, безусловно, Эмилия Эдгардовна поднимает важнейший вопрос. Собственно, всё, что связано с продвижением, с индикаторами, с показателями, с "дорожными картами", сегодняшними инструментами, которые у нас в системе общего образования действуют, которые рождены не очень давно: новая система оплаты труда, и формы организационно-правовые, и у нас государственная итоговая аттестация, это тоже часть этого комплекса, – все эти вопросы требуют обсуждения.

В связи с этим мне очень хотелось бы, чтобы Совет Федерации мог бы быть той площадкой, которая собирала бы, помогала бы в той части своих полномочий, которые у них есть. Мы в основном полагаемся в данном случае на позиции областных законодательных собраний, на позиции органов исполнительной власти региональной, мы – то место, где регионы говорят о своих болях. И как бы ни было... Знаете, всегда бывает больно, я сама на месте руководителя исполнительной структуры была достаточно долго, а до этого представляла предыдущую структуру, была статс-секретарем и знаю, что такое и в Госдуме отсиживать, и в Совете Федерации, когда тебя за всё, за всё, за всё, что происходит...

Но тем не менее мы должны понять, что для исполнительной власти, для федерального уровня, безусловно, такого рода встречи, такого рода разговоры – это очень ценный материал, это такая лакмусовая бумажка. И, слава богу, мы уже научились не воспринимать лично, не воспринимать эмоционально и оценочно то, что мы говорим, потому что мы хорошо понимаем, что путь развития образования – это очень сложный путь. Он не может быть идеальным, нет универсальных рецептов, но мы все исходим из того, что мы все болеем за достижение тех результатов, которые определили для нас, собственно, руководство страны и все структуры.

Я хотела бы Анастасии Владимировне, как директору департамента, предоставить два слова.

Анастасия Владимировна, нет необходимости отвечать на поставленные вопросы, Вы ответите на них работой, это очевидно. Но все-таки я хотела бы, чтобы Вы сказали два слова.

А.В. ЗЫРЯНОВА

Спасибо огромное, Любовь Николаевна.

Действительно, уникальная возможность услышать такое количество разнообразных мнений, суждений, в том числе и критических. Я к этому отношусь абсолютно нормально, считаю это очень положительным моментом.

Честно скажу, что отменила сейчас все встречи, потому что не могла уйти, настолько интересно, настолько содержательно, настолько полезно. Должна, наверное, зафиксировать, что, безусловно, ЕГЭ состоялся. В том виде, в котором он существует сейчас, он вызывает некие нарекания, предложения, но тем не менее ЕГЭ состоялся, и наша общая задача – сделать так, чтобы ЕГЭ стал более объективным, более прозрачным, чтобы ЕГЭ стал лучше. Это первый момент.

Второй момент. Сегодня уже звучало неоднократно, что ЕГЭ – это, безусловно, только вершина айсберга, а всё, что находится под водой, – это вопросы качества образования, вопросы подготовки кадров, вопросы образовательных программ, вопросы финансирования образования.

Действительно, затронув вопросы ЕГЭ, мы поднимаем весь пласт проблем, существующих в общем образовании.

Если говорить о том, на чем мы планируем в ближайшее время сосредоточиться, то я бы отметила, безусловно, создание общероссийской системы оценки качества образования, в том числе независимой оценки качества образования.

И еще момент, который не могу не отметить. Не подвергаю сомнению, что всё, что звучало здесь, – важно, но я категорически поддерживаю Виктора Викторовича в том, что необходимо учитывать мнения потребителей, причем не только на этапе оценки качества, но и на этапе формирования содержания образования. И я считаю, для меня лично и для работы департамента это является одним из ключевых направлений.

И в завершение еще раз хочу поблагодарить (поскольку действительно только два слова) за такое конструктивное, профессиональное и потрясающе равнодушное обсуждение. Спасибо.

Л.Н. ГЛЕБОВА

Спасибо.

Уважаемые коллеги, у нас есть проект рекомендаций. Если вы не возражаете против каких-то концептуальных вещей, которые там заложены, я предлагаю поручить нам доработать их, и уже на заседании комитета (правильно я, коллеги, говорю?) мы бы, наверное, утвердили конечный вариант с учетом состоявшегося, очень полноценного обсуждения.

Я еще раз хочу поблагодарить в первую очередь регионы, представители которых приехали сегодня, все откликнулись. У нас очень, скажем так, репрезентативная точка зрения в связи с тем, что у нас представлены исполнительная власть, профессиональное сообщество, общественность, политические силы, представители высшего образования, представители школ, безусловно, представители органов исполнительной и законодательной власти

федерального уровня, и я бы уже здесь взяла на себя ответственность, обязательства, как называется, затеяла кашу, сама потом и расхлебывать будешь.

Многие инициативы, которые сегодня прозвучали, с одной стороны, требуют проработки, а с другой стороны, требуют таких организационных усилий. Я надеюсь, что Совет Федерации в данном случае сможет стать тем местом, из которого организационные усилия по поводу разных историй, которые сегодня здесь прозвучали, будут представлены.

Отдельно хочу поблагодарить аппарат нашего комитета за очень слаженную работу по подготовке этих парламентских слушаний. Буду выходить на председателя нашего комитета с предложением выразить вам за это благодарность в письменном виде.

Коллеги, больше нет настаивающих на обсуждении? Спасибо всем большое. Всего доброго.